ДИСКУССИИ и ОБСУЖДЕНИЯ

Вопросы истории. 1952, № 2
Рубинштейн Николай Леонидович

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РОССИИ XVIII ВЕКА

Вопрос о генезисе капитализма и, в частности, о формировании капиталистического уклада в России привлекает в последнее время особенное внимание советских историков. Тем не менее до сих пор этот вопрос остаётся одним из наименее изученных и именно поэтому вызывает значительные разногласия[1]. Некоторые авторы, хотя и не встретившие поддержки, поставили даже под сомнение необходимость выделять в качестве самостоятельных этапов зарождение элементов капитализма и оформление капиталистического уклада.

В связи с установлением этапов национального развития И. В. Сталин чётко разграничивает два периода капиталистического развития: складывание национальностей, начало формирования наций «на заре капитализма», и окончательное сложение наций в эпоху «подымающегося капитализма». Нация является «исторической категорией... эпохи подымающегося капитализма»[2],— пишет товарищ Сталин. Понятие «заря капитализма» непосредственно соответствует понятию «начало капиталистической эры», данному Марксом. С эпохой «подымающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами»[3] связано, думается, и сталинское указание на процесс складывания «буржуазной системы хозяйства»: «Для того, чтобы буржуазная система хозяйства доказала своё превосходство над феодальной системой хозяйства, на это ушло что-то около ста лет или и того меньше. Уже в недрах феодального общества буржуазная система хозяйства показала, что она стоит выше, много выше, чем феодальная система хозяйства»[4]. Буржуазная система хозяйства, существующая в недрах феодального общества,— это и есть то, что Ленин и Сталин обозначают термином «уклад». При этом «система хозяйства» как способ производства включает не только технико-экономическую характеристику (производительные силы), но и соответствующие общественно-производственные отношения, то есть определение классовой структуры. Время окончательно сформировавшейся буржуазной системы хозяйства тем и отличается от предшествующего периода зарождения элементов капитализма, что оно характеризуется установлением буржуазных производственных отношений, то есть возникновением новых общественных классов — рабочего класса и буржуазии,— представляющих собою «части единого капиталистического общества»[5].

Именно в этом плане В. И. Ленин решительно противопоставлял стадию капитализма стадии простого товарного хозяйства: «Под капитализмом разумеется та стадия развития товарного производства, когда товаром становятся уже не только продукты человеческого труда, но и самая рабочая сила человека»[6].

«Переход от товарного хозяйства к капиталистическому» В. И. Ленин отождествлял с разложением «товаропроизводителей на капиталистов и пролетариат»[7]. «Раскрестьянивание» в деревне,— писал Ленин,— показывает нам начало этого процесса (роста капитализма.— *Н. Р.*), зарождение его, его ранние стадии; крупный

[1] См. «Вопросы истории» № 3 за 1951 г., стр. 58.
[2] И. В. Сталин. Соч. Т. 2, стр. 303; см. также т. 5, стр. 34; т. 11, стр. 335, 336, 338.
[3] И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 336.
[4] И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 137.
[5] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 19. Госполитиздат. 1950.
[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 77. 4-е изд.
[7] Там же, стр. 92.

капитализм в городах показывает нам конец этого процесса, его тенденции»[8]. Ленин возвращается к этому вопросу и в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», указывая, что становлению капитализма отвечает создание антагонистических (в пределах уже производственных отношений) классов — буржуазии и пролетариата[9].

Соответственно определилось и основное содержание классического исследования В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»: в качестве исходного положения рассматривается «разложение крестьянства» как основа формирования рабочего класса, которое находит своё разрешение в «росте торгово-промышленного населения», в «росте употребления наемного труда», в «образовании внутреннего рынка на рабочую силу». При этом В. И. Ленин неоднократно подчёркивает, что начало процесса «разложения крестьянства» относится ещё к феодальной эпохе, предшествует установлению капиталистической формации[10]. Ленин рассматривает как основную черту мануфактуры «раскол между представителями труда и капитала»: «Этот основной факт и сообщает нашей мануфактуре резко выраженный капиталистический характер, в отличие от предыдущей стадии». Он указывает при этом, что «ко времени освобождения крестьян этот раскол в крупнейших центрах нашей мануфактуры был уже закреплен преемственностью нескольких поколений»[11].

При обсуждении периодизации истории СССР на страницах журнала «Вопросы истории» именно эта сторона вопроса не была рассмотрена. Редакция журнала справедливо указала в этой связи на «формальный экономизм» как на один из пороков, проявившихся в дискуссии. В свете указаний В. И. Ленина и И. В. Сталина решающее значение в истории нового капиталистического уклада приобретает вопрос о формировании рынка рабочей силы, отражающем становление рабочего класса.

В связи с изложенным нельзя согласиться с самым принципом постановки вопроса в статье Е. И. Заозерской[12]. Автор хочет теоретически обосновать смешение двух отличных этапов: становления и развития капиталистических отношений. Для этого Е. И. Заозерская, с одной стороны, подменила ленинско-сталинское понятие уклада как конкретного исторического этапа общественно-экономического развития расплывчатым, общим понятием «переходного периода», охватившего целых три столетия. Между тем понятие переходного периода имеет лишь одно и притом совершенно конкретное применение — для обозначения перехода от капитализма к социализму, именно потому, что формирование социалистического строя требует предварительной ликвидации капиталистической формации, в то время как капитализм складывается ещё в недрах предшествующей феодальной формации как уклад. С другой стороны, Е. И. Заозерская рассматривает уклад как «тип» экономических отношений, аргументируя это своё положение известной ленинской характеристикой многоукладности в экономике России первых лет советской власти. Но она не заметила при этом, что Ленин говорит в данном случае не об укладах, а об «элементах различных общественно-экономических укладов», об элементах «хозяйственного строя России», об «элементах, частичках, кусочках капитализма и социализма»[13]; всё это говорит против толкования автора.

Учение Ленина и Сталина об общественно-экономическом укладе (речь идёт именно об общественно-экономическом укладе, а не об одной экономике, как утверждает Е. И. Заозерская[14]) состоит в раскрытии конкретного содержания каждого исторического этапа становления новых общественно-экономических отношений (равно как и ликвидации старых). При этом конкретное определение понятия «уклад» показывает непосредственную связь уклада с формацией. Буржуазно-капиталистический уклад определяется И. В. Сталиным как «буржуазная система хозяйства», «эпоха подымающегося капитализма» противопоставляется «заре капитализма». Период уклада и формации объединяется В. И. Лениным в понятии «капитализм», противопоставленном понятию «простое товарное хозяйство».

[8] Там же, стр. 107.
[9] См. там же, стр. 123.
[10] См. там же, стр. 302, 460, 470—471 и др.
[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 381.
[12] См. «Вопросы истории» № 12 за 1951 год.
[13] В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 303; т. 33, стр. 381; т. 32, стр. 309.
[14] См. «Вопросы истории» № 12 за 1951 г., стр. 91.

Веб-публикация: Vive Liberta, 2014

Рекомендуем материалы раздела библиотеки «Историки и историография» http://istmat.info/node/31025

Е. И. Заозерская обходит все качественные различия, последовательно проводимые Лениным и Сталиным. «Эпоху подымающегося капитализма» она распространила на весь период зарождения и складывания капиталистических отношений. Только в конце статьи, в полном отрыве от общего теоретического анализа проблемы и её конкретного содержания, Е. И. Заозерская приводит как-то случайно, между прочим, ленинское противопоставление капитализма простому товарному хозяйству.

Е. И. Заозерская обходит чёткую характеристику основных этапов развития капитализма в отдельных сферах общественно-экономической жизни, данную В. И. Лениным в «Развитии капитализма в России». Приведя известную ленинскую характеристику развития русского самодержавия с XVII в., Е. И. Заозерская, по существу, не задумалась над исторической природой указанных Лениным основных этапов этого развития до середины XIX в. и в конечном счёте старается свести дело к утверждению единого «направления к буржуазной монархии», забывая прямое указание Ленина, что именно «19-ое февраля 61-го года было первым шагом **по пути** превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию» [15].

Всё это уводит автора от чёткой и принципиальной периодизации общественно-экономического развития, исходящей из выяснения качественных изменений, ведёт к подмене их одними количественными изменениями внутри общего, широкого и расплывчатого, «переходного периода».

Общая методологическая установка автора привела к противоречивой трактовке ряда основных вопросов. Так, Е. И. Заозерская полагает, что становление русской буржуазии представляло единый процесс, начиная с середины XVI до XIX в., процесс, который отмечен лишь количественными различиями. Между тем ещё в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс чётко различали два принципиально отличных этапа становления буржуазии: на первом образуется класс горожан, бюргеров, на втором — буржуазия, которая «развивается лишь постепенно, вместе со своими условиями, снова распадаясь в зависимости от разделения труда на различные фракции, и, в конце концов, поглощает все существовавшие до нее имущие классы» [16].

Точно так же не проводит Е. И. Заозерская принципиального различия, с одной стороны, между городскими восстаниями XVII в. с их бюргерской и плебейской оппозицией или отдельными выступлениями приписанных к предприятиям Марселиса крестьян и между классовой борьбой работных людей на мануфактурах второй половины XVIII и XIX вв. и рождением дворянской революционности, с другой стороны.

Это же пренебрежение к определяющим граням в развитии капиталистической экономики привело к тому, что автор характеристику «нового периода» (с XVII в.) начинает общим указанием на отделение города от деревни как на первое разделение труда. Известно, однако, что противоположность между городом и деревней начинается вместе с феодальной формацией, с переходом «от племенного строя к государству... и тянется через всю историю цивилизации до нашего времени» [17]. Очевидно, надо говорить о качественных особенностях этого процесса отделения города от села для каждого данного периода в отдельности. Именно так поступил Ленин при изучении процесса роста промышленного (индустриального) населения в России, когда он установил шесть последовательных форм соединения промышленности с земледелием [18]. Столь же неправомерно распространение автором вглубь, на XVI в., второго, или географического, разделения труда. Е. И. Заозерская смешивает при этом два в корне различных явления: возникновение местных промыслов в связи с особенностями сырьевой базы района (например, металлургические промыслы Устюженского района) и «территориальное разделение труда», связанное с экономической специализацией района, характерной для «мануфактурного периода», то есть собственно капиталистическое разделение труда [19].

---

[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 99.
[16] К Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 44.
[17] Там же, стр. 40.
[18] См В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 329—331.
[19] См. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 361. Госполитиздат. 1949; В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 377—378.

В качестве показателя решительных сдвигов в области хозяйственной специализации и связанного с ней роста товарности сельского хозяйства Е. И Заозерская привела таблицу хлебного торга по таможенным данным за 1724—1727 годы. При этом

Отмечу ещё, что в заключительных итогах статьи автор неожиданно вступает в противоречие со своими собственными исходными тезисами и приписывает предложенным трём хронологическим этапам уже не количественные, а качественные различия. Здесь оказывается, что XVII век, как «первый момент» в историческом развитии капитализма, является ещё периодом «простого товарного производства», XVIII век характеризуется переходом от простого товарного хозяйства к капитализму, наконец, первая половина XIX в.— «время разложения и кризиса феодальной формации под влиянием развития капиталистического уклада» [20]. Отсюда уже не очень далеко до принятия того самого положения об оформлении капиталистического уклада во второй половине XVIII в., которое так настойчиво оспаривает Е. И. Заозерская. К сожалению, между содержанием самой статьи и этими выводами нет непосредственной связи.

Думается, всё сказанное — лучшее доказательство того, что пора перейти в решении вопроса от общих рассуждений к конкретным исследованиям. Прошедшие дискуссии определили основные вопросы и выявили существующие по ним различные точки зрения. Теперь необходимо тщательно исследовать каждый исторический этап, выясняя его конкретное содержание и характерные для него качественные сдвиги, на что справедливо указала редакция журнала «Вопросы истории».

Настоящая статья и посвящена такому конкретному изучению вопроса о рынке рабочей силы во второй половине XVIII в., принципиальное значение которого для решения общего вопроса о развитии капиталистического уклада было показано выше.

В нашей литературе по этому вопросу имеется специальная работа А. Г. Рашина [21]. Однако изложение дореформенного, феодального периода, особенно в отношении XVIII в., ограничено в ней в основном сводкой известного уже материала [22]. Особенно приходится отметить забвение А. Г. Рашиным, как и многими другими авторами, обращавшимися к этой теме, важнейшего ленинского указания на присущее формирующемуся капиталистическому укладу резкое противопоставление двух антагонистичных типов промышленного развития: «...мы имеем здесь дело с двумя противоположными течениями, которые однако оба выражают развитие капитализма, именно: с одной стороны, упадок помещичьих заведений вотчинно-посессионного характера, с другой стороны, развитие чисто капиталистических фабрик из купеческих заведений» [23].

Процесс формирования новых, капиталистических отношений, кристаллизация нового класса «наёмных рабочих» включают и процесс распада и последовательного разложения старых, феодально-крепостнических форм эксплуатации труда крепостных или приписных крестьян. Тема разложения крестьянства совершенно выпала из поля зрения А. Г. Рашина. В то же время он механически распространил ленинское указание на «раскол между представителями труда и капитала» на уральскую горнозаводскую промышленность и на всю суконную промышленность, смешав их тем самым в одну кучу с полотняной и хлопчатобумажной промышленностью вопреки чёткой ленинской характеристике [24].

Подобную же ошибку допустили М. Злотников, требуя механического суммирования данных по капиталистической мануфактуре и горнозаводской промышленности [25],

---

сумма товарного оборота хлеба по всей империи свелась всего к 450 тыс. четв. (без крестьянского торга с возов), в том числе около 25% по Московской губернии (в границах до 1775 г.) и всего около 60 тыс. четв.— около 13% — по Воронежской губернии. Между тем уже в 70-е годы южные губернии только с пристаней Орла, Мценска и Моршанска отправляли около 400 тыс. четв. (не считая гужевых перевозок), центральные районы — Московский, Владимирский и др. — выступали потребителями рыночного хлеба; поступление зерновых продуктов в Петербург водным транспортом составляло 1,2—1,3 млн. четв., поступление в Архангельский порт достигало 500 тыс. четвертей. Не говорят ли именно эти цифры о превращении количественных изменений в качественные?

[20] Последняя формулировка явно неудачна: развитие капиталистического уклада и кризис феодальной формации — две стороны одного и того же процесса.— *Н. Р.*
[21] А. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России. М. 1940.
[22] А. Рашин опирается в этой части своей работы главным образом на данные П. Г. Любомирова и М. Туган-Барановского.
[23] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 411.
[24] См. А. Рашин. Указ. соч., стр. 97.
[25] См. «Вопросы истории» № 11—12 за 1946 год.

а также в своих последних статьях акад. С. Струмилин и К. Пажитнов. При этом акад. Струмилин видит в обоих типах предприятий прогрессивное развитие капиталистических отношений, а К. Пажитнов — крепостнический характер труда [26].

Думаем, что основной причиной подобных ошибок является попытка формально, механически подогнать явления русской истории с её длительной консервацией крепостного строя под отдельные характеристики Маркса, основанные на другом конкретном материале — страны «классического» капитализма. Между тем В. И. Ленин указывал, что «теория Маркса состоит в исследовании и объяснении эволюции хозяйственных порядков известных стран, и «приложение» ее к России может состоять только в том, чтобы, пользуясь выработанными приемами материалистического метода и теоретической политической экономии, исследовать русские производственные отношения и их эволюцию» [27].

Именно это и сделал В. И. Ленин в замечательной работе «Развитие капитализма в России». Исходя из её основных положений, мы и попытаемся рассмотреть некоторые конкретные вопросы начального периода формирования рабочего класса в России в XVIII в., а именно: состав и численность вольнонаёмных рабочих и складывание рынка рабочей силы.

★

С самого начала надо решительно оговорить специфику процесса формирования рабочего класса в России XVIII и первой половины XIX в. в условиях сохранявшегося господства феодально-крепостного строя. Мы не видим основания преуменьшать значение отношений, существовавших между владельцем мануфактуры и его «вольнонаемным» работником, работающим «по найму», «по договору», «из договорной платы», и забывать указанный Лениным для мануфактурного периода «раскол между представителями труда и капитала» [28]. Но нельзя забывать и того, что крепостное право продолжало держать нарождавшегося «рабочего с наделом» в крепкой зависимости от помещика.

Господство феодально-крепостной системы ограничивало распространение социальных, классовых сдвигов. Первоначальной сферой непосредственного утверждения капиталистических отношений в период становления уклада является область промышленного производства. В обширной же сфере земельных, сельскохозяйственных отношений, охватывающих подавляющую массу трудящегося населения страны, продолжают господствовать феодальные отношения. В этом и заключается одно из коренных отличий капиталистического развития России в сравнении, например, с Англией. В Англии развитие капитализма происходило в условиях массового сгона крестьян с земли, массовой экспроприации крестьянства, превращавшегося в безземельный пролетариат. Развитие капитализма в России, напротив, совершалось при длительной консервации крестьянского прикрепления к земле и к помещику, прикрепления, пережившего самое утверждение капиталистической формации. Отработочная система второй половины XIX в. — это, по определению В. И. Ленина, «прямое переживание барщинного хозяйства» [29], феодальный уклад в буржуазном обществе.

Отсюда специфика начального этапа формирования рабочего класса и рынка рабочей силы: наёмный рабочий по отношению к владельцу мануфактуры оставался крепостным по отношению к своему помещику и к государству-землевладельцу. Это не могло не сказаться и на темпах количественного роста рабочего класса и на двойственном характере его в дореформенный период. Крепостное право тормозило и осложняло процесс «разложения» крестьянства, служивший основой формирования рабочего класса, капиталистического развития России.

Необходимо указать также и на не раз отмечавшееся Лениным различие в социально-экономическом развитии отдельных районов России: капиталистическое развитие в XVIII—начале XIX в., охватившее в основном центральные районы России, значительно меньше затронуло её периферию. Характеристика социально-экономического строя России по средним данным для всей страны неизбежно ведёт к нивелированию

[26] См. «Вопросы истории». №№ 4 и 6 за 1948 год.
[27] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 248—249
[28] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 381.
[29] Там же, стр. 160.

снижению конкретных показателей: уровень развития определяется передовым промышленным центральным районом, при этом именно центральному промышленному району принадлежит ведущая роль в экономическом, политическом и культурном развитии страны. В то же время феодально-крепостническая периферия давила на капиталистически развивавшийся центр. Да и самый центр, несмотря на наиболее интенсивное развитие в нём передовых капиталистических отношений, был в то же время районом наиболее развитых форм феодально-крепостнического строя на селе. Тем острее выступали здесь противоречия двух антагонистических «систем хозяйства»: оформлявшегося капиталистического уклада и господствовавшего феодального общественного строя.

Таковы общие положения, определяющие границы распространения новых общественных явлений, изучению которых посвящена настоящая статья.

В нашей историко-экономической литературе вопрос о составе и численности наёмных рабочих в XVIII в. сводится в основном к вопросу о промышленном рабочем в мануфактурной промышленности и рассматривается в связи с историей последней. В качестве основных показателей для 60-х годов XVIII в. приводится обычно общая цифра — 45 464 рабочих, из них 17 823 вольнонаёмных (39,2%), и для начала XIX в. соответственно — 95 200 и 45 625 (47,7%) [30]. Наряду с этими данными публикуются и используются также отдельные другие ведомости из фондов Мануфактур-коллегии, Комиссии о коммерции, Берг-коллегии; дело, однако, ограничивается лишь формально статистическими параллельными подсчётами.

Ещё в 1924 г. И. Полосин подверг критике нашу официальную промышленную статистику XVIII в. [31], однако он не сделал никаких позитивных выводов относительно оценки и использования конкретных данных этой статистики. В последнее время к критике промышленной статистики XVIII в. вернулся М. Злотников [32], выступивший против допускаемого историками обособления, якобы по чисто ведомственному признаку, предприятий Мануфактур-коллегии от горнозаводской промышленности, состоявшей в ведомстве Берг-коллегии, и против смешения мануфактур и мелких «кустарных» предприятий. Эти возражения получили довольно широкое признание в нашей литературе.

Нам представляется, что возражение против смешения мануфактур и мелких «кустарных» предприятий основано на ошибочном, механическом перенесении ленинского положения о примерной норме в 16 рабочих для мануфактуры, относящегося к эпохе крупного машинного производства, на мануфактурный период с его специфическими структурными особенностями. Что касается возражения против обособления предприятий Мануфактур-коллегии от горнозаводской промышленности, то в данном случае М. Злотников правильно отмечает, что обычно из промышленной характеристики России этого периода фактически выпадала вся огромная отрасль горнозаводской промышленности. Однако нельзя согласиться с предложением М. Злотникова механически суммировать обе группы предприятий и выводить из полученных данных снижение удельного веса вольнонаёмного труда (соответствующие показатели для 1804 г.: 224 892 всех рабочих и 61 600 вольнонаёмных — 27,5%). Такое смешение данных по этим двум группам предприятий с их антагонистическими тенденциями фактически должно привести к смазыванию сущности социально-экономического развития, вскрытой Лениным, и является проявлением формального метода буржуазной статистики с её погоней за средними числами. При таком смешении выпадает из поля зрения также и другой существенный вопрос, связанный с территориальным размещением этих двух видов промышленности. Наша историко-экономическая литература недостаточно учитывает различие в условиях и темпах развития капитализма, существовавшее в разных экономических районах России, что было специально подчёркнуто Лениным при рассмотрении вопроса о развитии империализма в России.

В этой связи необходимо сделать несколько критических замечаний относительно статистических данных, имеющих особенное значение для выяснения размеров вольнонаёмного труда.

[30] См. А. Рашин. Указ. соч., стр. 13—14 и 26—27.
[31] См. И. Полосин. Промышленная статистика и политика 18 в. «Архив истории труда в России» № 11—12 за 1924 г., стр. 5—27.
[32] См. М. Злотников. От мануфактуры к фабрике. «Вопросы истории» № 11—12 за 1946 г., стр. 31—48.

Прежде всего следует отметить общую заниженность цифровых показателей по Мануфактур-коллегии и именно по вольнонаёмному труду. Эта заниженность данных усугубляется наличием значительного числа предприятий, на которых использовался как крепостной (в разных его формах: приписных, отданных к фабрике, покупных), так и вольнонаёмный труд. Ряд предприятий, значащихся в списке «крепостных» с большим числом зависимых крестьян, в действительности использовал в большей или меньшей степени вольнонаёмный труд. Так, в 1760 г. в списке фабрик с большим числом покупных крестьян значились полотняные фабрики В. и Н. Кишкиных в Серпухове, а протокол осмотра этих фабрик в 1761 г. показал, что в действительности они в основном работали на вольнонаёмном труде[33]. По тем же данным, на полотняной фабрике крупных заводчиков Лугининых в Алексинском уезде значилось 1 295 покупных и приписных душ мужского пола, однако на мануфактуре работало меньше половины из них, зато, кроме покупных и приписных, на фабрике было занято ещё 150 наёмных работных людей и 600 наёмных женщин-прядильщиц. Судя по топографическим описаниям губерний и отчётным ведомостям конца XVIII в., аналогичная картина имела место и на суконных предприятиях[34].

Поэтому при определении удельного веса отдельных категорий рабочих необходим перерасчёт данных о крепостном труде. Обычно такой перерасчёт делается в отношении приписных к предприятиям горнозаводской промышленности, при этом исходя из установленной указом 15 марта 1807 г. нормы непременных работников — 58 на тысячу приписных крестьян. Соответственно К. Пажитнов приравнивает 319 тыс. приписных крестьян к 18,5 тыс. крепостных рабочих. Повидимому, этот расчёт лежит и в основе итоговой цифры, данной М. Злотниковым для 1804 года. Исследователи, однако, совершенно не учитывают, что поправка должна быть сделана также при определении удельного веса крепостного труда на предприятиях ведомств Мануфактур-коллегии. Ведомость Мануфактур-коллегии конца 60-х годов XVIII в. прямо указывает, что из общего числа 21 826 покупных и отданных к фабрикам крестьян «в фабричной работе» состояло только 8 332, а остальные находились «в деревнях и селах». Основная масса, 11 738 человек, числилась в полотняной промышленности, из них «в работе» — 3 999 (34,1%); соответственно в шёлковой — 1 217 (33,5%), в суконной — 1 343 (51,6%), в бумажной — 441 (71,4%) и т. д.

Для конца XVIII в. такого рода сводная ведомость отсутствует, но необходимые коррективы нередко вносят топографические описания губерний, составлявшиеся большей частью уездными и губернскими землемерами. Так, если у И. Яковлева с братьями на Большой Ярославской мануфактуре, по ведомости 1797 г., значилось 4 419 «крепостных и вотчинных крестьян», то атлас Ярославской губернии 1797 г. определяет их число на фабрике только в 1 357 душ мужского пола «приписных мастеров и работных людей» при 2 084 душах женского пола (возможно, используемых на фабрике), но «сверх того на вольной цене, большей частью зимою, до 500 душ». В том же атласе отмечено аналогичное положение с использованием труда 300 вольнонаёмных на фабрике Углечанинова[35]. Ведомость Мануфактур-коллегии XVIII в. частично оговаривает это различие в фактическом использовании, однако не всегда.

Завышая данные о применении крепостного труда и учитывая приписных рабочих, наша статистика в то же время упускала из вида значительные кадры наёмных рабочих, работавших за пределами предприятий. Сюда относятся прежде всего ткачи, работавшие в светёлках, построенных «фабрикантом» в деревнях и сёлах, на его станах. Большое число таких рабочих отмечено в ведомости 1797—1804 гг., однако учтены они всё же далеко не полностью.

---

[33] См. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Разр. XIX, № 40, л. 210. Ведомость покупн. к фабрике крестьян. Опубликована в Сб. РИО, т. X, стр. 370—390. Воспроизведена в статье И. С. Курицына «Формирование рабочей силы на текстильных мануфактурах в XVIII в.». «Исторические записки» АН СССР № 5 за 1939 г., стр. 155—158. Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. Мануфактур-коллегии, д. № 174, л. 26.

[34] См. ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, св. 425/305. Ведомость о суконных фабриках 1797—1809 гг.

[35] Государственный Исторический музей (в дальнейшем ГИМ). Отдел письменных источников, д. № 1035, л. 5.

Приведу для примера фабрику Д. Таланова в Кинешме, на которой значатся всего 32 рабочих, но при этом сообщается: «Да сверх вышеписанного при фабрике строения построены ткацкие деревянные светлицы в Кинешемской округе в разных деревнях на земле оных деревень помещиков без всякой платы, а строятся эти светлицы по просьбе оных деревень крестьян, работающих ткацкую работу, для облегчения оных ходьбы на фабрику и необходимости оных находиться при доме и иметь работу»[36]. Источник указывает 27 светлиц площадью до 25 кв. сажен каждая, но не даёт перечня числа станов и работных людей, которых, судя по общему объёму продукции, должно было быть до 200 человек. Совершенно не поддаются учёту работы светёлочников у себя на дому, на своих станах, с обычным указанием «по договору». У Д. Кокушкина в Юрьеве-Польском при 27 станах и 46 рабочих «отдается изготовленная на вышеписанной фабрике основа и пр. к тому потребное для работы Юрьевской округи в с. Даниловке разным крестьянам, и от них принимаются сработанные товары»[37].

На работу крестьян в особых светлицах и «по договору» систематически указывают топографические описания отдельных (в частности, Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Калужской) губерний, относящиеся к 80—90-м годам. Так, составленное директором домоводства Васьковым обстоятельное описание Костромского наместничества отмечает обилие светлиц в Костромском уезде, где работники «ткут по договору»; по Буйскому уезду упоминается ткачество «фламских полотен, равендуков и коломянок по договору с костромскими фабрикантами»[38].

Число светёлочников особенно увеличилось в конце XVIII в. в связи с общим бурным подъёмом текстильного производства, однако можно предположить, что и в 60-х годах отдельные предприниматели использовали капиталистическую работу на дому, хотя чаще фигурирует ещё работа «вольных по пашпортам и покормежным письмам из ближних сел и деревень»[39].

Вне фабрики изготовлялись значительные количества пряжи. В большей части ведомостей количество рабочих довольно точно соответствует количеству ткацких станов; лишь в отдельных случаях (Серпухов, Калуга) оказывается разрыв, который может быть отнесён за счёт светёлочников-ткачей или прядильщиков. На Калужских парусно-полотняных фабриках указано до тысячи прядильщиков, но тут же сказано о значительном приобретении пряжи на стороне[40]. Из другого источника известно, что фабрики парусного полотна гор. Серпухова «при изготовлении пряжи и др. материалов, посредством кругообращения денег, содержат целый город и уезд в управлении»[41]. На это указывали также и ответы на анкету Вольного экономического общества 1766 г., поступившие из районов текстильной промышленности. В ответе по Переяславлю-Залесскому указывается специально на изготовление пряжи на продажу; по Калужской провинции подчёркивается наличие выработки пряжи при отсутствии собственного ткачества, а по Костромской отмечается прядение и ткачество, при этом сообщается: «Оных полотен ткут меньше, нежели прядут на фабрики, потому что за пряжу нетканную то получают, что и за вытканные из той же пропорции полотна. Пряжу продают на фабрики»[42]. Правда, изготовление пряжи остаётся ещё в основном областью женского труда, причём изготовляется пряжа главным образом в зимнее время. Однако огромная армия прядильщиков и прядильщиц становится бесспорным придатком фабрики и не может не учитываться в общем процессе формирования промышленного пролетариата.

---

[36] ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, св. 426/306 № 115.

[37] Там же. № 270. 1800 г.

Ведомость Владимирского губернского правления от 1797 г. даёт список соответствующих крестьянских предприятий (в том числе по селу Даниловке), отмечая в графе «быта их зависимое положение. Там же, ф. № 17. Главное правление мануфактур. Т. I, д. № 130. 1797 г. лл. 6—18.

[38] Архив Ленинградского отделения Института истории (в дальнейшем ЛОИИ), собрание рукописных книг № 603, стр. 105, 269.

[39] ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, д. 174, 1760—1761 гг.

[40] См. Топографическое описание Калужского наместничества. СПБ. 1785.

[41] См. Х. Чеботарёв. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии, стр. 301, сл. М. 1787; сравни также В. Зуев. Путешественные записки от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг., стр. 36—38. СПБ. 1787; «Топографическое описание Калужского наместничества», стр. 57 и др. СПБ. 1785.

[42] ЦГИАЛ, ф. ВЭО, т. 1. № 381, лл. 238, 319, 358, пп. 59 и 60.

Основные материалы по статистике промышленности и промышленной рабочей силы относятся к 60-м годам XVIII в. и к концу XVIII — началу XIX века. Ведомости мануфактур 1752 г.[43] и 1773 г.[44] и ведомость Берг-коллегии 1754 г.[45] не содержат данных о численности и составе рабочей силы.

Собранные в фонде Мануфактур-коллегии ведомости владельцев мануфактур 1761—1763 гг. также не содержат данных о рабочей силе, но их восполняют в этом отношении данные осмотра мануфактур по заданию коллегии, хотя они (по крайней мере в сохранившейся части) не охватывают всех предприятий[46]. Сохранились сводные данные в «рассуждении» президента коллегии Д. Волкова, датированные П. Любомировым 1763 г.[47], более подробны ведомости 1767[48] и 1770 годов[49]. Кроме того имеется специальная ведомость 1767 г. покупки к фабрикам и заводам крестьян[50]. К этому же времени относится ведомость Берг-коллегии по горнозаводской промышленности за 1766—1767 гг.[51]; к сожалению, цифровые данные приведены в ней лишь для приписных государевых мастеровых и работных людей; сведения о собственных и вольнонаёмных рабочих не уточнены.

Для конца XVIII в. существуют сводные данные отчёта министерства внутренних дел на 1804 г., сводные и несколько обобщённые данные, записанные в работе Е. Зябловского[52], и наиболее полные данные ведомостей, представленных в Мануфактур-коллегию в 1797—1803 гг., также частично использованные в упомянутой работе П. Любомирова. Для горнозаводской промышленности, кроме обычно приводимых сводных данных, можно указать ведомость конца XVIII в., аналогичную приведённой у Чулкова[53].

Как уже указывалось, для 60-х годов наиболее полную цифру рабочей силы, занятой на 498 предприятиях ведомства Мануфактур-коллегии, даёт ведомость Коммерц-коллегии за 1767 г., определяющая общее число рабочих в 45 464 человека; из них 17 823 (39,2%) вольнонаёмных; покупных и отданных по указам — 21 855 и крепостных (то есть помещичьих) — 5 786. Сведения Д. Волкова указывают лишь 37 862 рабочих, из них 12 497 (33%) вольнонаёмных, 13 817 приписных и 11 548 собственных и купленных (помещичьи объединены с покупными)[54]. А. Г. Рашин не привёл этих данных и не остановился на расхождении между этими хронологически близкими ведомостями. Он не попытался также сличить данные о покупных и отданных к фабрикам по трём имевшимся у него ведомостям — Коммерц-коллегии за 1767 г., Мануфактур-коллегии за 1767 г. и ведомости, извлечённой из портфеля Миллера, за 1770 год[55].

Расхождение же между этими данными объясняется, с одной стороны, тем, что вторая ведомость не учитывает «отданных по указам», а третья даёт общее число работающих, а не фактически используемых «в работах на фабрике». В первой же ведомости не указано, учитывает ли она всех числящихся за фабрикой людей или только работающих покупных и отданных по указу. Указанный в ведомости процент использования работающих на фабрике — 67 — чрезвычайно высок для покупных по сравнению с данными Мануфактур-коллегии (39%) и предполагает полное использование на работе всех «отданных по указам». Полагаем, что реальное число покупных и «отданных по указам», занятых на мануфактурах, было меньше. Если, исходя из общего числа работающих, указанного в ведомости 1770 г., принять ту же пропорцию в 39%, то число

[43] См. ЦГИАЛ, ф. Комиссии о коммерции, оп. I, № 626.

[44] См. М. Чулков. Историческое описание Российской коммерции. Т. VI, кн. 3, стр. 591—712. М. 1787.

[45] См. ЦГИАЛ, ф. Комиссии о коммерции, д. № 931, лл. 29—55.

[46] Те и другие материалы были использованы П. Г. Любомировым.

[47] См. П. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности, стр. 49. 1947.

[48] См. А. Рашин. Указ, соч., стр. 13—14; ЦГИАЛ, ф. Коммерц-коллегии, 1769 г., д. 888/1726.

[49] Там же, стр. 16.

[50] См. ЦГАДА. Воспроизведена у И. Курицына по фонду Мануфактур-коллегии. Указ. соч. «Исторические записки», т. 5, стр. 155—158.

[51] См. М. Чулков. Указ. соч. Т. VI, кн. 2, стр. 547—680.

[52] См. Е. Зябловский. Землеописание Российской империи. Тт. II и III. СПБ. 1810.

[53] Государственная публичная библиотека имени Ленина. Отдел рукописей. Библиотека Общества истории и древностей российских. Бумаги Щекатова. Т. II, лл. 179—202.

[54] См. И. Курицын. Указ. соч., стр. 168.

[55] См. А. Рашин. Указ. соч., стр. 14, 16, 18 и 19.

фактически работающих покупных и отданных к фабрике составит всего около 13 тыс. человек. Общий удельный вес вольнонаёмных соответственно повысится почти до 50%.

Это положение приобретает полную конкретность при рассмотрении отдельных ведущих отраслей промышленности. В полотняной промышленности, по ведомости 1770 г., отданные к фабрикам по сравнению с покупными составили незначительное число — 2 691 и 12 717 соответственно. Из 56 предприятий, по которым были составлены ведомости в 1761—1763 гг., на 17 предприятиях покупные рабочие отсутствовали, на 16 играли ничтожную роль, насчитываясь единицами (не более 20 человек). На 10 предприятиях применялся комбинированный труд и, согласно данным осмотра 1760—1763 гг., явно преобладали вольнонаёмные. Из общего числа покупных 86% — свыше 10 тыс. человек — приходилось на 7 крупных предприятий, в том числе 3 462 — на фабрику Гончарова, возникшую в 1718 г.; об удельном весе вольнонаёмного труда на мануфактуре Лугинина было уже сказано выше. На одной из наиболее крупных фабрик с приписными крестьянами, у Тамеса, вольнонаёмные составляли две пятых общего числа работавших (327 человек).

По 42 предприятиям шёлковой промышленности в ведомости 1761—1763 гг. покупные рабочие значатся только на 10 мануфактурах, возникших до 1740 г.; к 1770 г. общая цифра покупных сократилась вдвое. В свете этих данных соотношение различных групп работающих на предприятиях в общей сводной ведомости вызывает особые сомнения.

Уже неоднократно отмечалось преобладание крепостного труда в суконной промышленности. Однако и здесь почти повсеместно отмечается использование наряду с крепостным вольнонаёмного труда, зачастую в большом количестве, что особенно характерно для предприятий Москвы и Московской области. При этом вольнонаёмный труд занял ведущее место в новом центре суконной промышленности — Воронеже и Воронежской области: на фабриках Горденина, Постоваловых, В. Тулинова осмотр 1760—1763 гг. отметил небольшое использование крепостного труда и значительное использование вольнонаёмного труда; то же можно сказать о мануфактурах М. Олесова и отчасти Я. Тулинова в Тамбовском уезде. Данным осмотра соответствуют позднейшие свидетельства «Экономических примечаний к генеральному межеванию» и топографических описаний[56].

С суконной промышленностью тесно связана бумажная, принадлежавшая в значительной части тем же владельцам; на 11 предприятиях бумажной промышленности из 19 применялся крепостной труд, однако все эти предприятия, как правило, относятся к числу мелких. Зато решающую роль играл вольнонаёмный труд в таких широко распространённых отраслях, как кожевенная, мыловаренная, салотопенная, кирпичная и др.

Официальные данные 60-х годов, как показывают материалы осмотра, включают только работающих на самом предприятии. Между тем в это время уже существовали не учтённые в отчётах светёлочники. Данные осмотра полотняной фабрики Чурашева в Москве прямо указывают на недостаток помещения у фабрики («За невмещением по тесноте места») и на то, что ей была отведена земля для светёлки «под Девичьим монастырем». У Тамеса упоминается «контора для выдачи работным людям пряжи и денег и приема полотен». На фабрике В. Кишкина в Серпухове при 157 станах имелось «всего уездных работных людей до 700 человек, а в зимнее время бывает и более»[57]. Таким образом, действительное число вольнонаёмных работных людей, занятых на предприятиях ведомства Мануфактур-коллегии, к 60-м годам должно было составлять примерно до 25 тыс. человек.

Основную группу неучтённых работных людей составляли прядильщики на полотняных мануфактурах. Последние упоминаются только на некоторых предприятиях с крепостным трудом: так, у А. Гончарова в Малоярославском уезде «определено для прядения пряжи самопрядчиц и принадлежащих к фабричной работе мужского и жен-

[56] См. ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, св. № 129, д. 174, 1760 и 1761 гг. ЦГАДА, Межевой архив, Экономич. примеч. по Воронежской губ., д. № 50. Описание Воронежа, л. 5; там же, Экономич. примеч. по Тамбовской губ. № 84, Тамбовский уезд №№ 68, 121.

[57] ЦГИАЛ, Ф. Мануфактур-коллегии, д. 171, л. 48; д. 174, л. 26.

ского пола до 1 900 чел.»[58]. Но в то же время на крупнейшем предприятии Тамеса значится всего одна палата для мотания пряжи и в ней 51 женщина.

Для исчисления неучтённой рабочей силы, занятой изготовлением пряжи, мы можем принять за основу норму выработки прядильщиц, указанную в ответах на анкету Вольного экономического общества, а именно изготовление в неделю, при 12-часовом рабочем дне, количества пряжи, необходимого для производства 4—5 аршин холста[59]. По ведомости «Комиссии о коммерции» за 1765 г., годовая выработка полотняных мануфактур составляла в общей сложности свыше 7 млн. аршин[60]. Из расчёта по высшей норме недельной выработки, обеспечивавшей производство 5 аршин холста, получаем 1 438 926 рабочих недель. Полагая, что годовая работа производилась примерно в течение 10 месяцев и что не менее 60% производства удовлетворялось сторонней пряжей, мы можем считать, что в 60-е годы полотняные мануфактуры использовали на производстве пряжи труд мелких производителей в объёме, равном производству не менее 20 тыс. рабочих в течение года. Если учесть, что фактически прядильщик работал на дому неполный год, то можно полагать, что в действительности в производство было втянуто значительно большее число работающих на дому.

Некоторые замечания необходимо сделать и в отношении горнозаводской промышленности ведомства Берг-коллегии. И здесь характерно заметное проникновение наёмного труда на предприятия центральных районов и Среднего Поволжья. Ведомость Берг-коллегии 1766—1767 гг. указывает на производство работ «за договорную плату людьми» для Воронежской, Белгородской, Нижегородской и Архангельской губерний; по Московской губернии «мастеровые и работные люди находятся собственные, покупные и большей частью работа исправляется вольнонаемными по пашпортам»[61]. Наличие собственных мастеровых относится прежде всего к старым предприятиям Демидовых, Баташовых, Гончарова. Работа вольнонаёмных отмечена и по группе предприятий Казанской и Оренбургской губерний; среди них более крупные предприятия устюжских купцов И. Курочкина и А. Юринского (у них же завод в Архангельской губернии) и П. Келарева с А. Лапиным. При этом существенное значение имеет не удельный вес вольнонаёмного труда, а его районирование, выделение определённых районов по характеру рабочей силы. В данном случае район горнозаводских предприятий, использовавших вольнонаёмный труд, совпадает с районом сосредоточения соответствующих предприятий ведомства Мануфактур-коллегии.

Материал ведомостей 1766—1767 гг. дополняется, а отчасти корректируется данными путешествия Н. Рычкова[62]. Автор неоднократно отмечает обилие рабочей силы в районах Среднего Поволжья (Казанская, Вятская провинции) и использование её на предприятиях, по которым в ведомости значатся только крепостные. Так, о рабочих на Архангельском (Шургинском) медном заводе Г. Красильникова, на котором по ведомости значатся крепостные, Рычков пишет: «...число оных (100 душ мужского пола. — *Н. Р.*) умножается наемными работниками, которых обыкновенно случается до 200 чел.». До 600 человек наёмных отмечено на двух Троицких заводах И. Осокина. Широко использовался труд вольных рабочих на заводах Твердышева и Мясникова и некоторых других[63]. Аналогичные сведения приводит в своих записках И. Лепёхин, в частности, по использованию башкир-рудокопов[64].

Другое наблюдение касается приписных крестьян, использовавшихся на вспомогательных работах: документы содержат многочисленные указания на фактическую замену их вольными рабочими «по найму»[65]. Многочисленные опубликованные наказы

[58] Там же, д. 174, л. 35.

[59] Там же, ф. ВЭО, т. I, д. 381, л. 173. Ответ по Владимирской провинции; там же, ответ по Шуйской провинции.

[60] См. ЦГИАЛ, ф. Комиссии о коммерции, т. I, д. 237, лл. 26—36.

[61] М. Чулков. Указ. соч. Т. VI, кн. 2; губернии в границах до 1775 года.

[62] См. «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 г.». СПБ. 1770.

[63] См. там же, стр. 33, 52—53, 75, 102, 104, 132 и др.

[64] См. И. Лепёхин. Продолжение дневных записок путешествия... по разным провинциям Российского государства в 1770 г. Вторым тиснением, стр. 40, 95—97, 223—225 и др. СПБ. 1802.

[65] Этого вопроса коснулся мимоходом И. Курицын в своей диссертации «Пермские промышленные предприятия Голицыных в XVIII в.» (рукопись, хранится в рукописном фонде Института истории АН СССР и в Государственной публичной библиотеке имени Ленина).

черносошных и бывших ясашных крестьян в Уложенную комиссию 1767 г. сообщают о найме от себя «к той работе посторонних людей»; среди составителей этих наказов — приписные к заводам П. Осокина, Н. Демидова, Р. Воронцова, И. Чернышева, М. Походяшина и др.[66]. Одновременно ряд крестьянских наказов сообщает о работе на уральских заводах по найму[67].

Аналогичные указания содержит и «Реестр камерального описания 30 губерний» конца XVIII в. для Пермской губернии: крестьяне Оханского уезда «нанимаются в разные заводские работы и на судах вниз по рекам Каме и Волге ходят»; в Соликамском уезде «упражняются крестьяне из платы в разных заводских работах»; то же говорится о крестьянах Осинского, Кунгурского, Верхне-Удинского уездов[68]. Таким образом, по ряду предприятий, на которых, с точки зрения их владельцев и Берг-коллегии, значились приписные, то есть феодальнообязанные, рабочие, фактически работали наёмные рабочие; спрос на рабочую силу удовлетворялся за счёт местного свободного предложения труда.

Несмотря на отсутствие точных цифровых данных, можно всё же подчеркнуть массовый характер приведённых свидетельств. Если общий объём работ, выполнявшихся приписными, исчислялся к концу века в размере, равном труду приблизительно 18 тыс. рабочих в течение года, то условно до одной трети этого числа фактически должно отнести за счёт вольного найма.

Для конца XVIII в. отчёт министерства внутренних дел даёт, как указано выше, цифру 95 202 работных человека, из них вольнонаёмных 45 625, или 47,7%, против 39,2% ведомости 1767 года. Однако и здесь, как показывает проверка, только по двум ведущим отраслям — полотняной и суконной промышленности — требуется внесение значительных коррективов. Так, по ведомостям полотняных предприятий, поданным в Мануфактур-коллегию в 1797—1803 гг., на 219 предприятиях (вместо 285 по отчёту) числилось свыше 37 тыс. рабочих (против 23 711 по отчёту), из них вольнонаёмных — свыше 23 тыс. На мануфактурах с крепостными и посессионными рабочими значилось 12 982 души мужского пола и 1 188 душ женского пола (характер использования последних не определён); из 11 более крупных предприятий последней группы 8 значились уже в ведомости 1767 г. в числе «вотчинно-посессионных». И здесь бросается в глаза завышение показателей крепостного труда у Яковлева, Гончарова, включающих всех крепостных, а не только занятых на производстве; характерно, что у А. Кожина наряду с указанием общего числа крепостных, 1 095 душ мужского пола, оговорено, что «в работе» состоит лишь 242. Вызывает сомнение использование Д. Сериковым (г. Серпухов) 537 душ собственных крепостных крестьян при наличии 351 вольнонаёмного (в описании Московской губернии Чеботарёв показывает у него только вольнонаёмных). С учётом этих коррективов фактическое использование феодальнообязанных составит не более 6—7 тыс. человек, или около 20% общего числа работавших.

Судя по топографическому описанию и ряду других источников, несомненно преуменьшено в ведомостях на несколько тысяч человек и число работавших светёлочников.

Резкий общий рост полотняной промышленности должен был сказаться и на численности обслуживавших её деревенских прядильщиков. Примерный подсчёт общей выработки предприятий по тем же ведомостям Мануфактур-коллегии даёт свыше 19 млн. аршин в год, что равно 3 825 тыс. рабочих недель, или труду 95 625 рабочих в течение года. Поскольку весь рост шёл за счёт вольнонаёмного труда, последний должен быть принят равным не менее 50—60 тыс. условных годовых работников-прядильщиков.

Более сложную картину представляет также эволюция суконной промышленности, чем это принято обычно изображать. В данном случае уже обнаруживается наличие

[66] См. Сб. РИО. Т. 115. Наказы Арской и Зырейской дорог; Симбирского, Пензенского, Саратовского, Свияжского уездов, Казанской губернии; Кунгурского, Соликамского и Чердынского уездов №№ 79, 80, 81, 86, 87, 89, 91, 93, 94, 96. Отметим, что крестьянские наказы опубликованы далеко не полностью.

[67] См. там же №№ 74, 75, 87, 97, 98, 109, 110; ср. также т. 123, №№ 154, 319, 323, 325.

[68] См. Архив ЛСИИ, собрание Воронцова, д. 482, лл. 57—63.

обеих антагонистических тенденций, вскрытых В. И. Лениным. Наличными ведомостями представлены 93 суконные фабрики с 7 027 вольнонаёмными работниками против 2 788 на 155 фабриках по отчёту министерства внутренних дел. Феодальнообязанные составляли 11 886 человек на чисто крепостных предприятиях (включая Иркутскую казённую фабрику с 1 905 рабочими) и 6 333 человека на предприятиях, применявших смешанный труд. По 24 предприятиям сведения отсутствуют, но 14 из них относятся к мелким заведениям, работавшим больше «на домашний обиход».

Показательно появление значительной группы (12) московских купеческих предприятий, использовавших вольнонаёмный труд, относительно небольших по размерам, но связанных с рядом помещичьих заведений контрактами на поставки сырья и получение незаконченной продукции. Отмечен рост применения вольнонаёмного труда в Тамбовской губернии. Попрежнему вызывают сомнение сведения о применении труда крепостных рабочих на предприятиях Воронежа и Воронежской губернии, тем более, что в тех же ведомостях значится использование на них в значительном числе вольнонаёмных рабочих.

Всецело за счёт вольнонаёмных работных людей выросла шёлковая промышленность, насчитывавшая к концу XVIII в. 9 161 рабочего (увеличение на 40—50%), при стабильности числа феодальнообязанных рабочих. На вольнонаёмном труде выросла и хлопчатобумажная (ситценабивная) промышленность, которая в 1804 г. насчитывала уже 199 предприятий с 8 181 рабочим. Значительным было к концу века в хлопчатобумажной и полотняной промышленности и число крестьян-предпринимателей, в частности, из помещичьих крепостных, официально выступавших от лица владельцев в качестве «поверенных» или «содержателей» (сёла Иваново, Лежнево, Кохма, Богоявленская слобода, Писцово, Великое и др.) Этот факт подтверждает заниженность цифровых показателей, особенно если учитывать отношения крестьян-предпринимателей к домовой конторе, через которую поступали сведения в Мануфактур-коллегию. Исследование отдельных вотчинных архивов (например, по селу Иванову) показывает существование значительного числа крестьянских предприятий, насчитывающих от 100 наёмных рабочих и более.

Соответственно общее число вольнонаёмных рабочих, занятых в конце XVIII в. на предприятиях Мануфактур-коллегии, а впоследствии в системе министерства внутренних дел, может быть условно определено в 60 тыс. человек, помимо занятых изготовлением пряжи. Что касается горнозаводской промышленности, то в ней существенных сдвигов в отношении рынка рабочей силы не замечено.

★

До сих пор речь шла только о крупной мануфактурной промышленности, в рамках которой, как правило, замыкаются исследователи промышленности XVIII в. и историки рабочего класса. Характеризуя капиталистическое развитие России, В. И. Ленин специально указывал, что «нелепо отождествлять число фабрично-заводских рабочих с числом рабочих, занятых в капиталистическом производстве... Разве миллионы русских кустарей, работающих на купцов из их материала за обыкновенную заработную плату,— заняты не в капиталистическом производстве?» [69]. В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин специально выяснил численность наёмных рабочих, занятых в мелких промышленных предприятиях «кустарного» типа [70]. Тем более относится это ленинское положение к мануфактурному периоду, для которого характерно «именно небольшое число сравнительно крупных заведений наряду с значительным числом мелких» [71].

Исходя из условно принятой В. И. Лениным нормы в 16 рабочих для самостоятельного промышленного предприятия периода машинного производства, исследователи при определении числа промышленных рабочих мануфактурного периода механически исключали из расчёта всю массу мелких мануфактур, в частности, по таким отраслям промышленности, как кожевенная, салотопенная, мыловаренная, кирпичная, где решительно господствовали мелкие предприятия. Быть может, это происходило потому, что исследователи имели дело с незначительным числом рабочих, значившихся в официаль-

[69] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 285.
[70] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, гл. V и VI.
[71] Там же, стр. 384.

ной ведомости; К. Пажитнов, например, из общего числа рабочих, по данным 1804 г., отводил на эту группу менее 50 тыс. человек [72].

На огромную роль так называемой «безуказной» промышленности совершенно правильно обратил внимание И. В. Мешалин [73]. На основе обследования данных только по Москве и Московскому уезду автор выявил сведения о лицах, выбравших после указа 1769 г. билеты на право держать у себя ткацкие станы. В течение 1773 г. 1 021 человек владел 3 503 станами, из них 266 имели от 5 до 10 станов, а 14 — от 11 до 20 [74]. Даже учитывая участие в производстве владельца стана или членов его семьи, можно предполагать использование в этих мелких заведениях не менее 1 500 наёмных рабочих. К сожалению, остальные таблицы, приведённые в книге И. В. Мешалина, основаны на случайном, единичном материале и не дают цельной картины. Данные, приводимые И. В. Мешалиным, о распространении мелких заведений и безуказных мануфактур в деревнях и сёлах Московского уезда совпадают с рядом сведений о широком распространении там же льноткацкого и шелкоткацкого промыслов. Эти районы выделяли в середине XVIII в. и позднее значительное число рабочих на московские фабрики, что свидетельствует о быстро развивавшемся в среде местного промыслового крестьянства имущественном расслоении. Весьма желательно полное обследование отдельных селений по местным описаниям и вотчинным архивам.

Значительный аналогичный материал имеется и по Владимирской губернии. Внимание исследователей особенно привлекла Ивановская вотчина Шереметевых с её развитым полотняным, а позднее ситценабивным производством. В результате быстрого промышленного развития села ведомость 1789 г. отметила 224 набойных и ткацких заведения, из которых 152 (исключая более крупные) имели от 1 до 10 наёмных рабочих; в общей сложности, по явно заниженным данным, отмечено свыше 400 наёмных рабочих [75]. Мы не располагаем подобными материалами для других центров текстильной промышленности губернии, таких, как Вязники, ставшие городом, Лежнево, Дунилово, Кохма, Богоявленская слобода и пр., но ранние сведения о широком развитии в них ткацкого промысла сменяются в конце XVIII в. указаниями ведомости на значительное число текстильных мануфактур: в Кохме с деревнями — 11 предприятий, в Богоявленской слободе с соседними деревнями — 12 и т. д. Сами Вязники превратились в крупнейший центр полотняной промышленности, широко использовавший труд имевшихся в округе ткачей-светёлочников.

Аналогичный материал содержит характеристика промысловых сёл Костромской губернии, например, села Писцова или Нерехотской слободы, выросшей, подобно Вязникам, в город. В основе этой эволюции, как и в селе Иванове, должно было лежать широкое развитие мелких капиталистических заведений и мелкотоварного производства с применением наёмного труда.

Особо необходимо остановиться на отраслях производства товаров широкого потребления, где преобладали мелкие предприятия, отражая их непосредственную связь с развитием мелкотоварного производства.

К числу старейших и широко распространённых в России отраслей производства относится кожевенная промышленность. В ведомости 1769 г. включено лишь 231 более крупное предприятие. Отчёт 1804 г. показывает 843 кожевенных завода с 6 304 рабочими. Е. Зябловский примерно для этого же времени считает 1 500 заведений [76]. Наибольшее число предприятий указано Зябловским для губерний: Нижегородской (185) и Пермской (172) — на востоке; Орловской (116) — на юге; Московской (99), Смоленской (69), Тверской (67), Владимирской (65) — в центре. Между тем сопоставление с отдельными местными материалами показывает, что даже эти цифры сильно занижены. «Ведомость о состоящих во Владимирской губернии в городах и уездах фабриках и заводах» на конец века упоминает 72 кожевенных завода с 722 рабочими, не включая, таким образом, наиболее мелких предприятий [77]. В Тверской губернии, по Экономическому описанию

[72] См. «Вопросы истории» № 3 за 1948 г., стр. 62.
[73] См. И. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губ. в XVIII в. и первой половине XIX в., стр. 82—83. М.-Л. 1950.
[74] См. там же, стр. 70, 71, 78, 79, 88, 130—131 и другие.
[75] См. ЦГАДА, ф. Ивановской вотчины Шереметевых, 1789 г., д. № 23.
[76] См. Е. Зябловский. Землеописание Российской империи. Т. II. СПБ. 1810.
[77] См. Архив ЛОИИ. Собрание Воронцовых, д. № 641, л. 273 об.

1783 г, значилось 63 средних кожевенных предприятия и особо обозначено 58 мелких заводов в гор. Торжке и ряд мелких заведений в Старице [78]. Имеются многочисленные указания на сельские пункты, где концентрировалась, подобно текстильной, кожевенная промышленность. Таковы сёла Богородское, Павлово, Катунки в Горбатовском уезде, Нижегородской губернии; Выездная слобода, Арзамасского уезда, село Спасское, Васильского уезда. Экономическое описание Нижегородской губернии 1787 г. указывает занятых в кожевенном производстве в Павлове — 540, в Ворсме — 320 человек мастеровых и работных людей; в селе Богородском, исходя из числа чанов,— около 400 человек [79].

Самое небольшое кожевенное предприятие имело минимально 3 чана, размещавшихся в одном сарае. В топографическом описании губерний обыкновенно указывается не менее 5 рабочих на одно предприятие. Приведённая ведомость по Владимирской губернии указывает в среднем 10 работных людей на предприятие. Соответственно общая численность наёмных рабочих в кожевенном производстве может быть определена в 12—15 тыс. человек, из них 6—8 тыс. приходятся на неучтённые в отчёте мелкие предприятия.

Не менее показательны данные по канатному производству. А. Г. Рашин, исходя из данных отчёта 1804 г., и И. В. Мешалин, исходя из данных ведомости Мануфактур-коллегии 1799 г., указывают 58 предприятий с 1 500 рабочими. Однако эти цифры с избытком перекрываются данными по Архангельску (10) и Вологде (18), по Двинскому водному пути, Твери (11), Нижнему (12) и некоторым сёлам Нижегородской губернии (Избылец, Работки, Лысково) — на Волге. Нереальность приведённых А. Г. Рашиным и И. В. Мешалиным цифр отчётливо выступает, если учесть фактический спрос одного только внутреннего судоходства России XVIII в., которое обслуживалось не менее чем 10 тыс. судов на важнейших путях водной коммуникации [80], не говоря об обширных рыбных промыслах. П. И. Челищев, описывая своё путешествие, указал в одном только Архангельске 70 прядильно-канатных предприятий вместо 10, учитывая, очевидно, и мелкие промышленные заведения [81]. Упомянутое описание Тверской губернии называет 15 прядильно-канатных предприятий в Ржеве. Мы отметили выше выделение специальных промышленных сёл и в этой отрасли производства. Очевидно, и здесь реальные показатели должны быть значительно увеличены за счёт мелких предприятий.

Остановимся ещё на примере кирпичного производства, совершенно выпавшего из сводной статистики предприятий. Кирпичные заводы действительно принадлежали к числу наиболее мелких предприятий, насчитывавших обычно лишь по нескольку рабочих. Однако общая численность этих предприятий должна была стремительно расти, особенно в связи с быстро развивавшимся в последней четверти века строительством в городах, частично распространившимся и на крупные промышленно-торговые сёла. О значительном числе кирпичных заводов упоминается в топографических описаниях губерний. Историческое и топографическое описание Московской губернии, составленное Чеботарёвым, упоминает 141 кирпичный завод, а с гончарными заводами и производящими известь — до 170, описание Тульской губернии — свыше 80, Костромской и Ярославской — по 50, и т. д. Однако и эти цифры нужно считать заниженными, так как множество кирпичных заводов возникало в крупных промышленных сёлах. Так, в селе Иванове, Владимирской губернии, значилось 33 кирпичных завода [82]. При самых минимальных расчётах в этой отрасли промышленности не учтено несколько тысяч вольнонаёмных рабочих.

Широкое проникновение мелкотоварного и капиталистического производства, а вместе с тем и наёмного труда имело место даже в сельскохозяйственных районах, в сельских крестьянских предприятиях (например, маслобойных) [83].

---

[78] См. В. Покровский. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Т. I. СПБ. 1880.

[79] См. Архив ЛОИИ. Собрание Воронцовых, д. № 487. «Обозрение Нижегородской губернии 1787 г.», лл. 83—84.

[80] См. ниже.

[81] См. П. Челищев. Путешествие по северу России в 1791 г., стр. 96—97. СПБ. 1886.

[82] См. ЦГИАЛ, ф. 1088, по с. Иванову, д. № 22, л. 66.

[83] См. Г. Бибиков. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки», кн. 4. 1946.

Характерно, что в том же центральном районе капиталистические формы производства развиваются и в металлообрабатывающей промышленности. Это прежде всего железоделательный район Нижегородской губернии с двумя основными группами промышленных селений: район Павлова и Ворсмы и район с. Безводного. Павлово и Ворсма — крупные промышленные сёла, из которых в первом числилось в конце XVIII в. 3 059 душ мужского пола, во втором — 2 499, полностью отошедших от земледелия. К ним примыкало промысловое население окрестных селений. Здесь было несколько небольших заводов по производству стали и ряд мелких железоделательных предприятий. В условиях уже начавшегося в промышленных сёлах разложения крестьянства значительная масса беднейшего крестьянства фактически превращалась в наёмных работников у выделявшейся предпринимательской верхушки. Кроме того, по сообщению М. Невзорова, посетившего село в 1800 г., в Павлове «всегда живет посторонних работников около 1 500 чел.» [84]. Ту же картину представляла Безводненская группа — сёла Безводное, Работки, Ликеево и другие с их проволочно-гвоздильным производством [85]. Распространение железоделательного промысла отмечалось в Ярославской губернии и в Устюженском районе [86]. Сюда примыкали и ювелирное, сканное, черневое производства в Великом Устюге, Сольвычегодске, селе Красном с выделением даже небольших мануфактур, вроде предприятия Попова в Великом Устюге.

Отмеченная нами в начале недостаточная изученность материалов по отдельным группам производства и промышленным сёлам не позволяет ещё дать исчерпывающий перечень и точный подсчёт числа наёмных рабочих, занятых на мелких предприятиях и в мелкотоварном производстве. Но приведённые выше наблюдения позволяют утверждать, что последнее не уступало по численности занятых в нём рабочих собственно мануфактурным предприятиям. Для конца XVIII в. их численность должна быть не ниже 50 тыс. человек, а для середины века, учитывая быстрый процесс расслоения во второй половине XVIII в.,— около 30 тыс. человек.

★

Изучение формирования рабочего класса в России требует учёта ещё одной группы наёмных рабочих. В. И. Ленин в своём исследовании выделил специальную группу железнодорожных рабочих; для XVIII в. аналогичную роль играли работники водного транспорта. Мы оставляем в стороне гужевой транспорт, поскольку в извозе пока трудно отделить работу по найму от первичного крестьянского промысла. Мы оставляем также в стороне морское судоходство, развитие которого задержалось из-за позднего выхода России к важнейшим морским портам. Наконец, мы ограничиваемся рассмотрением важнейших водных путей Европейской России и не рассматриваем сибирских рек, на которых торговое судоходство в то время ещё не получило значительного развития.

Основной путь по Волге разбивался на две самостоятельные части: с Камы и Вятки, с низовьев Волги и с Оки до Рыбинска и оттуда по Вышневолоцкой системе или из Шексны на Свирь к Петербургу; в Рыбинске происходила перегрузка на более мелкие суда, приспособленные к условиям плавания в верховьях Волги и по каналам. Попов, описывая Пермскую губернию, сообщал, что подрядчики, снаряжавшие караваны из Соликамска, «здают железо другим для поставки в С. Петербург, причем перегружаются они в Рыбинске» [87]. «Здесь примечания достойна пристань,— сообщает «Атлас Ярославской губернии с топографическим описанием» (1797 г.),— в которой останавливаются все из низовых мест идущие суда и перегружаются для отправления вверх по Волге в баржи, кои из Белоозера рекой Шексной пригоняются» [88].

---

[84] М. Невзоров. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1803 г. Ч. I, стр. 56. М. 1803.

[85] См. ЦГАДА, Межевой архив, Экономич. прим. Нижегородской губернии, д. 29, Горбатовского уезда, д. 21, Балахн. уезда, д. 48. Макар. уезда — Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. № 516. Экономическое обозрение Нижегородской губернии. Там же, д. № 487. Ведомость, сколько нижегородского наместничества в городах и округах состоит фабрик и заводов, лл. 83—86. 1787.

[86] См. П. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности, стр. 486, 488—489. 1947.

[87] См. Попов. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. I, стр. 203—217. СПБ. 1811—1813 (составлено по заданию Вольного экономического общества в 1802—1803 гг.).

[88] ГИМ. Отдел письменных источников, д. № 1035, л. 30.

Наиболее распространёнными типами судов были: ладьи на 65—75 тыс. пудов, межуумки на 55 тыс. пудов, бархотки на 30 тыс. и коломенки на 8 тыс.; наряду с этим строились «купеческие», «кладные» суда под хлеб и промышленные товары. При этом на транспортировку каждой 1 тыс. пудов клади требовались 4—5 рабочих; их число примерно удваивалось начиная от устья Камы, в связи с необходимостью нанимать бечёвников при движении вверх по Волге.

Соль грузилась преимущественно на крупные суда (ладьи), на каждом из которых работало 83—100 рабочих с последующим увеличением их числа до 168 и более, начиная от устья Камы. О камских судах грузоподъёмностью в 100—110 тыс. пудов соли со 150—300 рабочими сообщает капитан Рычков в 1770 году[89]. Под погрузку железа, по сообщению Попова, использовались главным образом коломенки, обслуживавшиеся примерно 30 рабочими каждая (50 — от устья Камы).

С Нижнего Поволжья шли суда с рыбой, с солью (эльтонской и баскунчакской), с импортными восточными товарами, поступал скот и мясо; с Среднего Поволжья — хлеб. Для Среднего Поволжья ответы на анкету Вольного экономического общества 1766 г. по Костромской губернии называют балахонки, обслуживавшиеся 100—150 рабочими, коломенки с теми же 50 рабочими, которые указывает Попов, и барки с 20—30 рабочими. Материалы по центральному району особо останавливаются на перевозке хлеба, указывая обычную грузоподъёмность от 1 тыс. до 3 тыс. четвертей, или кулей (9 тыс. — 27 тыс. пудов), считая по 30 работных людей на 1 тыс. четвертей и соответственно определяя количество наёмных рабочих на 1 судно в 35—70 человек[90].

По донесению нижегородского губернатора Ступишина, в середине 70-х годов XVIII в. через Нижний Новгород проходило до 2 200 судов в год, «работных же людей на них бывает до 70.000, а иногда и более»[91]. «В Нижегородский порт в 80-х годах заходило не менее 3000 судов в год, на которых работало около 80.000 чел.»[92]. Сюда включены и суда со Среднего Поволжья и Окского бассейна.

Между Нижним и Рыбинском отмечались крупные пристани в Костроме, Ярославле и другие. Упомянутое описание Костромской губернии указывает на Пучежскую слободу, где ежегодно изготовлялись и грузились 35 судов, на которые нанималось свыше 2 тыс. работных людей. От Рыбинска путь шёл по Шексне на Вытегру к Бадожской пристани или через Тверь на Вышневолоцкий канал.

Для последнего (основного) пути имеются многочисленные статистические данные. Ведомость за 1775 г. показывает прибытие в Петербург 3 230 барок, 694 полубарок и 1 473 более мелких судов, всего 5 397 судов, а также 3 156 плотов с лесом[93]. Считая, что каждую барку обслуживало до 20 человек, получим для этой части пути цифру, примерно аналогичную цифре для первой половины волжского пути,— 70—80 тыс. работных людей, помимо специальных лоцманов и других работных людей на каналах. Аналогичные данные сообщают ведомости прохода судов через Вышневолоцкий канал за 80—90-е годы (без мелких судов): за 1785 г. — 3 217 барок и 1 136 полубарок, за 1787 г. — 3 520 и 385, за 1793 г. — 2 926 и 367[94]. Тождественные сводные данные о судоходстве на Волге для 1803 г. содержат «Дополнительные сведения к сочиненному, по требованию императорского Вольного Экономического общества, описанию Ярославской губернии»[95].

---

[89] См. Журнал или Дневные записки..., стр. 170—171.

[90] См. ЦГИАЛ, ф. ВЭО, оп. I, д. № 381, л. 146 и др.; Васьков. Описание Костромского наместничества. Архив ЛОИИ. Собрание рукописных книг № 603, л. 219; Топографическое описание Тамбовской губернии. Архив ЛОИИ. Собрание Воронцовых, д. № 538, л. 45 и др.; Донесения о губерниях Тамбовской и Рязанской за 1781 г. ЦГАДА. Разр. XVI, д. № 968, лл. 18 и другие.

[91] ЦГАДА. Разр. XVI, д. № 777, ч. I, лл. 83—84.

[92] Архив ЛОИИ. Собрание Воронцовых, д. 516, л. 5 об.

[93] См. ЦГАДА. Разр. XVI, д. 280, лл. 40—41.

[94] См. там же, д. 975, ч. I, лл. 28 и 190, ч. II, лл. 100—101; Дворц. отд., д. 58, л. 4.

[95] ЦГИАЛ, ф. ВЭО, оп. I, д. № 543, лл. 17—18. Для первой части Волжского пути описание учитывает лишь суда, доходившие до Рыбинска (без судов, шедших на Москву).

Сведения о составе работных людей на судах, шедших с Камы и Вятки, указывают на использование крепостного труда частными владельцами (Голицын, Яковлев и др.) железных заводов и соляных промыслов. Но в то же время автор «Хозяйственного описания Пермской губернии», отмечая пользование «своими заводскими сплавщиками», называет в качестве основного источника рабочей силы сплавщиков и работников в Вятской губернии, которых нанимали на работу через поверенных, а также вольнонаёмных из Пермской губернии. О вольнонаёмных работниках на судах сообщается и в описании Пермской губернии в «Реестре камерального описания 30 губерний»[96]. С обозначившейся у заводчиков тенденцией перехода к вольному найму должно быть связано и то, что «плата собственным людям... по большей части с указанной выше (то есть с платой вольным.— *Н. Р.*) сходная»[97]. Очевидно, и свои крепостные привлекались уже по найму. Вольный наём должен был преобладать при обеспечении дополнительных рабочих по пути следования от устья Камы. Привлекаемые к судовым работам приписные также зачастую выставляли вместо себя наёмных, что подтверждают упоминавшиеся наказы в Уложенную комиссию[98]. Полностью обслуживались наёмными суда казённых Дедюхинских промыслов[99]. Полное господство вольного найма характеризует и купеческое торговое судоходство Соликамска, Кунгура, Чердыни, Сарапуля и др.[100]. Рычков в своих записках отмечает обширный судовый промысел дворцового села Сарапуля в связи с крупными торговыми операциями местных зажиточных крестьян[101].

На вольном найме было основано купеческое судоходство Нижней и Средней Волги. Упомянутый «Реестр» указывает судостроение и судоходство в числе основных занятий в Казанском, Цивильском, Чебоксарском, Мамадышском, Лаишевском и Свияжском уездах Казанской губернии[102]. О найме работных людей на суда сообщают купеческие наказы гор. Казани и Гороховца на Оке[103]. О том же свидетельствует и Экономическое описание Нижегородской губернии. В этой связи интересно сообщение С. И. Архангельского по Симбилейской вотчине графа А. Г. Орлова: отношение вотчинной конторы отмечало широкий уход крестьян в «бурлаки» по контрактации, проводившейся ранней весной, и рекомендовало своевременное обеспечение рабочих для работы «на судах графских» с указанием, что «плата им будет даваться противу сторонних»[104]. Многочисленными указаниями о работе на судах местного населения изобилуют топографические описания Костромской, Ярославской, Тверской губерний. Учитывая значительный удельный вес наёмных работных людей даже на Каме и Вятке и полную обеспеченность за их счёт всего остального волжского пути, можно считать, что один волжский водный путь сосредоточивал не менее 120 тыс. наёмных рабочих.

Более отрывочны сведения о судоходстве на Оке. Донесения губернатора от 1779 г. сообщают, что из Орла в Москву только в весенний период было отправлено 73 судна и 22 барки со 130 тыс. четв. хлеба и 22 500 пуд. пеньки. Исходя из указанного расчёта — 30 рабочих на 1 тыс. четв. хлеба,— можно считать, что на этих судах было занято свыше 4 тыс. рабочих[105]. «Ведомость об отправке из г. Орла в разные места хлеба и других припасов полою водою 1796 г.» упоминает 66 стругов и 25 барок «партикулярных» и 39 стругов и 4 барки казённые, всего 134 судна и на них 7 024 рабочих. В этот расчёт не вошли Мценск и Болхов, а также пристани Калужской и Рязанской губерний. Топографическое описание Калужской губернии определяет общее число судов из Орла и Мценска в течение года в 150—200, а включая судовую отгрузку самой Калужской губернии,— до 350 судов[106]. Сюда следует при-

---

[96] См. Архив ЛОИИ. Собрание Воронцовых, д. № 482.

[97] Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. I, стр. 201.

[98] См. Сб. РИО. Т. 115, стр. 262—263, 266 и др.

[99] См. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. I, стр. 199.

[100] См. там же.

[101] См. Рычков. Указ. соч., стр. 167—169.

[102] См. Архив ЛОИИ. Собрание Воронцовых, д. 582, л. 104 и сл.

[103] См. Сб. РИО. Т. 107, стр. 521 и 178.

[104] С. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Н. Новгорода и Нижегородской области в XVIII—XIX вв., стр. 78. Горький. 1950.

[105] См. ЦГАДА. Разр. XVI, д. № 952, ч. I, л. 39 об.

[106] См. Топографическое описание Калужского наместничества. СПБ. 1785.

соединить ещё обширный судовой промысел Рязанской губернии. Донесение тамбовского и рязанского губернатора от начала 80-х годов говорит о большой роли судовых пристаней в Деднове, Гусском погосте, Перевлесе и др.; по селу Гусский погост указывается строительство до 30 судов, в основном занятых доставкой алебастра и лубья из Мурома в Москву [107]. Общее судоходство по Оке должно было использовать за год не менее 15 тыс. работных людей.

К Окскому судоходству непосредственно примыкает судоходство по Цне и её притокам, определяющееся значением Тамбовской губернии по вывозу хлеба, с главной пристанью в Моршанске.

Приведённое губернаторское донесение определяет отправку хлеба из Моршанска в 200 тыс. четв. за год, что требовало до 6 тыс. судовых рабочих. Донесение губернатора Гудовича от 1786 г. специально характеризует размеры судоходства по Тамбовской губернии и определяет годовое строительство на Цне в 142 судна и 426 лодок при них, а число занятых на них судовых рабочих — в 10 366 человек с оплатой в 180 559 руб. в год. Из этого числа 112 судов и 336 лодок при 8 176 наёмных рабочих показаны по гор. Моршанску, 28 судов и 84 лодки с 2 044 рабочими на пристанях по р. Выше, Спасской округи, остальные по Черныхской пристани [108]. Близкие к этому данные приводит и топографическое описание Тамбовского наместничества [109]. Суда этого района обслуживались исключительно наёмными рабочими. «Работники на оных бывают здешние Воронежского уезду, одновременно и помещичьи люди по пашпортам» [110],— сообщается в ответе на анкету 1765 г. по Воронежской провинции. То же повторяет и ответ по Алатырской провинции: «Работники на судах бывают здешние уроженцы помещиковы, дворцовые и экономического ведомства крестьяне, нанимаются они от здешних пристаней до известных мест... а не помесячно» [111]. Судоходство по рекам Оке и Цне частично учтено в общих данных о движении судов через Нижний Новгород.

Крупные размеры сохраняло судоходство по Северной Двине, связывавшее центральные районы России с Архангельским портом, старой базой русского экспорта. Одно из описаний торговли гор. Архангельска называет для 1792 г. цифру в 1 502 суда, прибывавших в Архангельск по Двине «из верховых городов и уездов» с крупными партиями хлеба и других товаров стоимостью в 1792 г. всего 2 764 тыс. рублей [112]. В числе этих товаров значительное место занимал хлеб; по данным С. Ф. Огородникова, годовые контракты крупных купцов по поставке хлеба достигали 500 тыс. четв. и более [113], а годовой экспорт хлеба из Архангельского порта в 70-е годы доходил до 250 тыс. четвертей. При самом минимальном расчёте обслуживание такого количества судов требовало не менее 40 тыс. рабочих, причём в указанное число не входят суда, которые обслуживали только промежуточные порты, такие, как Великий Устюг, Вологда, Тотьма и др.

К указанному числу судов и рабочих надо добавить суда, которые обслуживали каботажное плавание между Архангельском и портами по берегам Белого моря и Северного Ледовитого океана, обеспечивая в основном снабжение их жителей продовольствием и промышленными товарами, а также вывоз их промысловой продукции. По данным 1787—1789 гг., годовой оборот каботажного плавания составлял около 400 судов при использовании на них свыше 5 тыс. работных людей [114].

Наконец специальную область представляет судовая работа на рыбных и тюленьих промыслах, широко распространённых среди населения Поморья, о которых сообщают, в частности, И. Лепёхин и П. Челищев.

Исходя из приведённых данных, мы едва ли ошибёмся, если определим численность работных людей, занятых судовым промыслом по системе Северной Двины и Поморья, в 50 тыс. человек (не считая самостоятельных «промышленников»). Судоходство по Двинской системе и в Поморье носило исключительно купеческий характер и обслуживалось только вольным наймом.

[107] См. ЦГАДА. Разр. XVI, д. № 968, л. 18 и сл.
[108] См. там же, д. 910, л. 49, 68.
[109] См. Архив ЛОИИ. Собрание Воронцовых, д. 538, лл. 44—45.
[110] ЦГИАЛ, ф. ВЭО, оп. 1, д. 381, л. 184.
[111] Там же, л. 146.
[112] См. Архив ЛОИИ, д. 579, лл. 1—5.
[113] См. С. Огородников. Очерк истории г. Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПБ. 1890.
[114] См. Архив ЛОИИ. Собрание Воронцовых, д. 579, лл. 4, 5

К сожалению, нет подробных сведений о судоходстве по Западной Двине. Учитывая, что она представляла основную торговую магистраль, связывавшую центральные и южные губернии с рижским портом, едва ли следует преуменьшать её значение. Значение пристаней в г. Белой и в сёлах Поречье и Никольском отмечено в списке пристаней 1779 года. Одно из губернаторских донесений сообщает об отправке с Порецкой пристани только за март 1779 г., то есть когда только начиналась навигация, 73 стругов и 23 шхун с 1 805 рабочими на них [115]. По данным Щекатова, за пять месяцев 1804 г. (до 1 июня) в Ригу прибыло 493 струга, 59 шкутов, 48 мелких судов и 922 плота леса; нагрузка одного струга составляла от 500 до 12 тыс. берковцев хлеба, или 600 — 1 500 четвертей [116], для чего требовалось, очевидно, от 20 до 50 рабочих. По этому расчёту для обслуживания годового оборота должно было потребоваться не менее 25—30 тыс. работников.

Совершенно отсутствуют у нас сколько-нибудь конкретные данные о судоходстве по Днепру, получившему, впрочем, более крупное значение лишь после второй русско-турецкой войны. Слишком случайный характер носят сведения о судоходстве по Дону и на северо-востоке между Камой и Печорой. Укажем ещё на развитие судоходства, в частности промыслового, в Каспийском море. В итоге общее число лиц, занятых на судовых работах, должно составить для последней четверти XVIII в. ориентировочно 250 тыс. человек, из которых не менее 200 тыс. работали по вольному найму. Для середины столетия эта цифра должна быть уменьшена с учётом пропорции роста промышленного и торгового экспорта на протяжении второй половины века, а также усилившегося процесса вытеснения крепостного труда; условно её можно определить в 120 тыс. человек.

Источники отмечают, что работа на судах целиком приходилась на время земледельческих работ и, следовательно, была связана с полным отрывом рабочего от сельского хозяйства. При этом данные о перевозках хлеба, о производстве и экспорте железа, о перевозках, связанных с ростом мануфактурной промышленности и др., указывают именно на 50—60-е годы XVIII в. как на период быстрого роста этой отрасли народного хозяйства.

Установленные выше масштабы речного судоходства в XVIII в. выдвигают специальный вопрос о судостроении. Мы видели, что общее количество действовавших судов превышало 10 тыс., причём значительная часть судов, плававших от Рыбинска до Петербурга, первоначально по прибытии в Петербург сразу поступала на слом; оборачиваемость судов редко превышала два года. Таким образом, ежегодно в производстве или в ремонте находилось не менее 5 тыс. судов [117]. Судостроение, как указывается, составляло основную профессию крестьян приволжских сёл и деревень. Топографическое описание Тверской губернии называет 22 села и деревни по разным уездам губернии, в которых был широко распространён этот промысел. Особо нужно выделить селения Осташковского уезда, изготовлявшие до 170 барок и 25 полубарок из общего количества около 300 барок и 55 полубарок и 200 лодок по губернии [118]. Значительное судостроение отмечается вокруг Рыбинска, включая сёла по рекам Мологе и Шексне вплоть до Белоозера [119].

Описание Костромской губернии отмечает судостроительный промысел в Юрьевском уезде, где в одной только Пучежской слободе строилось до 35 судов грузоподъёмностью в 2—3 тыс. кулей (до 27 тыс. пудов) [120]. На обширное строительство судов в Нижегородской губернии указывается в описании Георги, в губернаторских донесениях и в экономических примечаниях к «Генеральному межеванию», особенно

[115] См. ЦГАДА. Разр. XVI, д. 961, л. 71.
[116] См. А. Щекатов. Словарь географического Российского государства, ч. V, стб. 44. М. 1807—1809.
[117] Эту цифру указывает и A. Storh. Historisch-statistische Gemälde d. Russ. Reichs. Riga. 1797—1803.
[118] См. «Генеральное соображение по Тверской губ.», стр. 56—57, 89, 92, 104. Тверь. 1873.
[119] См. Атлас Ярославской губ. ГИМ, отдел письменных источников № 1035, лл. 29—30.
[120] См. Архив ЛОИИ. Собрание рукописных книг № 603, лл. 213—219.

по Балахнинскому, Нижегородскому и Макарьевскому уездам. Судостроение являлось важным промыслом крупных промышленных сёл Кадницы, Работки, Лысково, Городец, Покровская слобода; здесь изготовлялись преимущественно более крупные суда. Аналогичные данные сообщаются по Рязанской и Тамбовской губерниям. В Тамбовской губернии особо выделено до 15 пунктов строительства судов; ряд районов был связан с Моршанской пристанью и давал до 120 судов в год, из которых наиболее крупные стоили до 500 рублей.

Особенно значительное судостроение отмечено в районе рек Камы, Белой, Чусовой, Вятки. Строившиеся здесь суда были рассчитаны на отправку соли, продукции железных заводов, хлеба и другой клади. Здесь изготовлялись суда большой грузоподъёмности, стоимостью до 450—460 руб., более мелкие — в 350, 225, 146, 91 и 25—30 рублей.

Строительство соляных судов, особенно на государственных промыслах, «Хозяйственное описание Пермской губ.» связывает с наймом сторонних рабочих [121]. Отмечая, что частично судостроение осуществлялось заводчиками при заводах «своими людьми» (у кн. Голицына, у Лазаревых), это описание указывает в то же время на строительство судов помещичьими крестьянами (заводчик Яковлев) по «сторонним» заказам за 200—300 руб. каждое [122].

Сообщения о судостроении, связывая его первоначально с крестьянским промыслом, всё определённее говорят о переходе промысла в работу на предпринимателя. Самая стоимость судов в 60—80 руб. для среднего волжского судна и до 400—500 руб. (Моршанск, Прикамье) с выполнением работы в течение целого сезона требовала создания целой артели, причём, например, «Генеральное соображение по Тверской губернии» определяет годовой доход одного рабочего на судовом строении в 15—20 рублей.

Судостроение характеризуется значительным отрывом от земледелия и глубоко зашедшим экономическим расслоением. В описании сёл Деднова, Любичи, Бел-Омут, Ловцы «Топографическое описание Калужского наместничества» указывает: «Жители означенных сел торговлями и промыслами... более походят на городских торговых людей и приобрели себе торговлями и промыслами довольный капитал, так что у некоторых с. Деднова крестьян есть каменные строения» [123].

Сообщение Гудовича по Тамбовской и Рязанской губерниям неразрывно связывает это строительство с деятельностью местного купечества по отгрузке и продаже хлеба. В характеристике судостроения Пучежской слободы в «Топографическом описании Костромской губернии» отмечается, что «они несколько отдают в наем судоходцам, а большей частью сами на них судоходство отправляют, покупая хлеб в низовых на Волге местах... а для судоходства работников нанимают в сей же слободе». Здесь уже речь идёт о предпринимателе-купце, у которого непосредственные строители судов должны были работать из найма [124].

Аналогичные указания содержат описания судостроительства в промышленных и торговых сёлах Нижегородской губернии в «Экономических примечаниях по Макарьевскому уезду» или наблюдения П. И. Челищева, сделанные им во время путешествия в 1791 г. по пути от Шлиссельбурга на Свирь [125].

«Экономические примечания по Чембарскому уезду, Пензенской губернии» указывают, что в оброчном с. Никольском, принадлежавшем графу Шереметеву, «посторонними купцами делаются будары», которые сгоняются для погрузки под хлеб [126]. О том же говорит, видимо, и ответ на анкету Вольного экономического

[121] См. «Хозяйственное описание Пермской губ.». Т. I, стр. 196—199; см. также Сб. РИО. Т. 115, стр. 301.

[122] См. там же, стр. 200—208, 218—226.

[123] «Топографическое описание Калужского наместничества», стр. 21.

[124] См. Васьков. Описание Костромского наместничества, стр. 219. 1792 (рукопись).

[125] См. П. Челищев. Путешествие по северу России в 1791 г., стр. 12—14. СПБ. 1886.

[126] См. ЦГАДА. Экономические примечания Пензенской губ., д. 60, Чембарский уезд, № 3, село Никольское.

общества 1776 г. по Воронежской провинции: «Строются оные будары здесь и из здешнего леса и здешними работниками» [127].

Наказ рыбинского купечества в Уложенную комиссию 1767 г. говорит ещё, правда, о конкуренции крестьянского промысла с купеческим предпринимательством, но в то же время подчёркивает огромное значение последнего, указывая и условия найма рабочих на строительство барок: «Зимним временем плотникам ряд бывает от 7 до 8 руб. и до 9 с барки, а летним временем — от 20 до 24 и по 20 рублев с барки ж». К тому же и эти крестьянские промыслы могли строиться на основе капиталистического предпринимательства крестьян-богатеев: «При берегах рек Волги и Шексны... у тех же помещиков разные крестьяне, найдя места и покупая лес, строят обще с купцами барки и продают с ними наряду» [128]. «Дополнительные сведения к сочиненному по требованию Вольного экономического общества описанию Ярославской губернии» 1803 г. в сообщении о строительстве судов, отправлявшихся от Рыбинской пристани к Санкт-Петербургу и в прочие места, уже с полной отчётливостью показывают предпринимательский характер местного судостроительства, противопоставляя «строителей», которыми баркн, «стоющая... самому 150 и 180 рублей, продаются по 200 и дешевле, а иногда при нужном времени и по 300 рублей», и работников, которым «с судна платится до 42 рублей» [129].

На строительстве такой массы судов, исходя из приводимого в источниках расчёта 6—7 человек на среднее судно, должны были работать не менее 30 тыс. человек, которые к концу века находились уже на разных ступенях превращения в значительный отряд наёмных рабочих. Эта цифра должна быть уменьшена примерно до 10 тыс. человек для 60-х годов, когда сильнее выступало промысловое судостроение.

Все приведённые расчёты могут быть сведены в следующую итоговую таблицу:

Занятие	Число вольнонаёмных рабочих (в тысячах человек)	
	60-е годы	конец XVIII в.
Мануфактуры ведомства Мануфактур-коллегии	25	60
Мелкие промышленные заведения	25	50
Горнозаводская промышленность	15	15 (условно принимаем неизменную цифру)
Работа на судах	120	200
Судостроение	10	30
Прядильная работа	20	60
Наёмные от приписных крестьян	5	5
Итого	220	420

Указанный итог не включает ещё наёмного труда в гужевом транспорте, приобретавшего всё большее значение, а также чернорабочих на погрузочно-разгрузочных работах на речном транспорте ввиду трудности их выделения и количественного учёта. Общий итог резко расходится с теми ничтожными цифрами в 17 и 45 тыс. человек, которые утвердились в нашей литературе. Нам представляется, что эти итоговые данные отражают действительный удельный вес вольнонаёмного труда, получившего заметное распространение на протяжении второй половины XVIII века.

Значение, которое приобретает вольнонаёмный труд, особенно отчётливо выступает при выделении основного района его распространения — центральных промышленных и земледельческих губерний с примыкающими западным торгово-промышленным районом и Средним Поволжьем. Из общего приведённого расчёта на этот район приходится до 200 тыс. наёмных рабочих в 60-х годах XVIII в. и до 400 тыс. в конце века при соответствующем объёме крепостного труда в промышленности около 30—35 тыс. и 70 тыс. человек.

[127] ЦГИАЛ, ф. ВЭО. Т. I, д. 381, л. 184.

[128] Сб. РИО. Т. 107, стр. 138.

[129] См. ЦГИАЛ, ф. 91. ВЭО, оп. I, 1803 г., д. 543, л. 19.

По отношению к общему числу трудоспособного мужского населения России на конец века (всего по пятой ревизии 17,8 млн. душ мужского пола, до 9 млн. трудоспособных) это составляет около 4%, а для соответствующего района (считая общее население 8—9 млн. душ мужского пола) — около 8—10% рабочих по найму. В общем итоге только цифра занятых в прядильной работе имеет, как указывалось, условный характер: с одной стороны, прядильная работа фактически охватывала значительно большее число лиц, втягивавшихся тем самым в рыночные отношения по труду, но, с другой стороны, её отделение от земледелия стояло ещё на значительно более низкой ступени, представляя капиталистическую работу на дому как придаток к сельскому хозяйству.

Необходимо при этом специально подчеркнуть решительное господство крепостного труда в сельском хозяйстве; появление наёмного труда в сельском хозяйстве отмечается ещё в виде спорадического явления (например, сельскохозяйственный отход в Калужской губернии). Нужно помнить, что ещё в конце XIX в. в сельском хозяйстве было занято около пяти шестых всего населения России [130]. Поэтому, если устанавливаемая нами цифра оказалась значительно выше той, которая обычно фигурировала в литературе, что отвечает оформлению капиталистического уклада, то в общем итоге она ещё относительно невелика, что, в свою очередь, соответствует сохранявшемуся господству феодальной формации. В условиях победы капиталистической формации для конца XIX в. В. И. Ленин исчисляет наёмный мужской труд в России уже в 7,5 млн. человек — около 50% общего числа трудоспособного мужского населения России, в том числе 3,5 млн.[131], или 40%, сельскохозяйственных рабочих.

Уровню концентрации вольнонаёмного труда отвечает и уровень концентрации предложения рабочей силы: район с наиболее выраженным развитием капиталистических отношений является вместе с тем районом формирования рынка труда, что, в свою очередь, определялось развитием процесса разложения крестьянства. Именно эта характеристика центрального района как рынка рабочей силы неоднократно отмечается источниками.

Таковы систематические свидетельства журнала путешествия капитана Рычкова 1769—1770 гг. о широком предложении рабочей силы со стороны населения Вятской губернии, дополняемые прямым указанием на центральный район: «Заводчики Оренбургской губернии достают рабочих людей из внутренних российских провинций. В известное время посылают они туда своих приказчиков, снабдив их довольным числом денег, дабы оные давать в задатки в наем подряжающимся работникам» [132].

На местный рынок труда указывает комплектование рабочих на многочисленных мануфактурах, отмечаемое «Топографическими описаниями» губерний (частично цитированными выше), обследованием отдельных предприятий и, в частности, регистрацией паспортов или покормежных писем приходивших на мануфактуры работных людей, которые мы рассмотрим специально несколько ниже.

Развитие рынка труда сказывается, в частности, в его непосредственном реагировании на определённую сезонность спроса. Уже в XVIII в. отмечаются факты организации в торговые дни своеобразных бирж труда. «Описание Костромской губернии», характеризуя судовой промысел Пучежской слободы, пишет: «Для судохода работников нанимают в сей же слободе, собирающихся ради того в торговые дни из селениев как сего, так и соседствующих уездов» [133]. В этой связи надо остановиться на отмеченной в наказе жителей гор. Сызрани в Уложенную комиссию 1767 г. «батрацкой ярмарке»: «Как прежде имелись быть и ныне в обыкновенное время бывает находящаяся батрацкая ярмарка. И в бытность той ярмарки в наезде множественного числа всякого звания народа происходит в летнее время через оную реку Волгу... казенный перевоз» [134]. Указание на летнее время связывает эту ярмарку с отмечаемой Щекатовым в Сызрани годовой ярмаркой 8 июля. Другого аналогичного указания об этой ярмарке пока найти не удалось, и мы не решаемся категорически

[130] См. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 7.
[131] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 510—511.
[132] Рычков. Указ. соч., стр. 71.
[133] Архив ЛОИИ. Собрание рукописных книг № 603, л. 219.
[134] Сб. РИО. Т. 107, стр. 607.

настаивать на определённом толковании её названия. Однако самый термин «батрак» давно употребляется в смысле наёмного рабочего и указан, в частности, в Академическом словаре 1806 года.

Характерным выражением этого свободного предложения рабочей силы явился отмеченный выше наём рабочих приписными крестьянами, проникновение отношений вольного найма в искусственно насаждавшуюся государством систему приписного труда. Любопытно, что этот же процесс наблюдался в Казанской и Пензенской губерниях среди приписных к адмиралтейству для корабельной работы по заготовке леса служилых мурз и татар, систематически нанимавших за себя рабочих «за добровольную плату» [135].

Процесс формирования рабочей силы нашёл своё выражение в образовании местных промышленных центров — городских и сельских — с большой концентрацией наёмных рабочих. Это относится прежде всего к Москве, где, по описанию 1779 г., числилось тяглого населения душ обоего пола 102 867 разночинцев, 25 402 купцов и мещан и 2 596 фабричных и при заводах, но, по наблюдениям составителя, «по бывшим разным исчислениям примечено, что обоего пола жителей бывает в Москве летом до полутораста, а зимою до трехсот тысяч человек» [136].

На этой основе происходит и интенсивное промышленное развитие Москвы, в которой, по «Историческому и топографическому описанию» Чеботарёва, числилось свыше 300 промышленных заведений, что предполагает несколько тысяч наёмных рабочих, помимо широко развитого мелкотоварного производства.

Из отдельных городов Московской губернии показательны данные по гор. Серпухову, где «Описание» только на полотняных предприятиях насчитывает 7 200 наёмных рабочих при официальном населении города в 2 774 души мужского пола. «Описание» тут же разъясняет это видимое противоречие словами: «...как из городских, так и уездных обоего пола обывателей». В Калуге при 7 550 купцах и мещанах на 5 парусных фабриках и 120 других разного рода предприятиях было занято не менее 2 500 рабочих. Немалое число судовых рабочих должна была привлекать крупная пристань на Оке с её большим оборотом судов.

Значительное количество промышленных рабочих отмечается и в городах Владимирской губернии. В Шуе, по «Экономическим примечаниям», числилось 2 202 наёмных рабочих при численности населения по ревизии в 1 365 душ мужского пола, из коих 342 купца. Соответственно в Вязниках, незадолго до этого ставших городом, на 3 053 души мужского пола (из коих 780 купцов) числилось на мануфактурах 709 наёмных рабочих; в Гавриловском посаде — около тысячи наёмных рабочих; в Юрьеве-Польском — 2 тыс. наёмных рабочих [137].

Наряду с промышленными городами стояли и крупные промышленные сёла и слободы, стремительно выраставшие на протяжении XVIII века. Таковы во Владимирской губернии крупнейшие сёла Иваново с присельем, Лежнево, Кохма, Васильевское, Богоявленская слобода. В конце века на предприятиях наиболее изученного села Иванова было не менее 1 500 наёмных рабочих, помимо лиц, нанимавшихся к крупным предпринимателям под извоз товара и на другие работы. В то же время в самом селе Иванове, по ревизии, значилось всего 1 638 душ мужского пола, то есть около 800 работоспособных. То же видим в промышленном районе Нижегородской губернии, в сёлах Горбатовской, Балахнинской, Нижегородской округи. Во всех указанных сёлах наблюдался быстрый отрыв крестьян от земледелия и одновременный рост расслоения крестьянства, переходивший в непосредственное разложение, когда отношения между высшею и низшей группами крестьянства отмечаются именно

[135] См. наказы в Сб. РИО. Т. 115, стр. 308, 330, 334. Также донесения казанского и вятского губернаторов за 1778 и 1786 годы; см. ЦГАДА. Разр. XVI, д. 725, лл. 20—22; № 656, ч. 1, лл. 123—128.
[136] Архив ЛОИИ. Собрание Воронцовых № 512. «Историческое описание городов Московской губернии», л. 4.
[137] См. ЦГАДА. Межевой архив. Экономические примечания по Владимирской губернии, д. 72. Описание г. Вязники; д. 31. Описание г. Шуи; ср. статью А. Разгона «Промышленные и торговые сёла Владимирской губернии». «Исторические записки». Т. 32, стр. 160. Данные о Гавриловской слободе и г. Юрьеве-Польском извлечены из ведомства Мануфактур-коллегии за 1797 год. Данные о работниках учитывают только предприятия, зарегистрированные Мануфактур-коллегией.

теми чертами, которые характерны для отношений сельской буржуазии к сельскому пролетариату»[138]. Значение этих явлений с предельной чёткостью раскрыто Лениным.

Внимательное рассмотрение данных о работе промышленных предприятий XVIII в. показывает последовательное усиление устойчивости работы предприятий в отношении общего годового цикла, что говорит о регулярном возвращении рабочих на предприятия после окончания сельскохозяйственных работ, а значит, и о превращении их в своего рода кадровых рабочих.

В этой связи особенно важно проследить значение отхода крестьянина на мануфактуру не только для села (именно в такой плоскости рассматривали этот вопрос Семевский и другие народники), но и для мануфактуры — вскрыть характер взаимоотношений, устанавливавшихся между отходником и предпринимателем, выявить промышленную характеристику отходника. Для этого существенное значение имеет сохранившаяся группа дел о регистрации московскими фабрикантами паспортов или покормежных писем принимавшихся на работу крестьян-отходников, начиная с 40-х годов XVIII в., включающая иногда и отдельные договоры — «контракты» — с нанимавшимися работниками. Даже выборочное изучение этого материала за 40—70-е годы позволяет сделать ряд существенных наблюдений[139]. Как это ни странно, означенные дела до сих пор не привлекали внимания исследователей. С ними знакомился И. С. Курицын, но фактически их не использовал[140]. Эти материалы требуют специального исследования.

Прежде всего самое отходничество зачастую оказывается результатом уже ранее совершившегося отрыва крестьянина от сельского хозяйства. Ряд покормежных писем прямо указывает на специальность отходника: «ткач», отпущен «для ткацкой работы», «имеет ткацкое художество», отходит «кормиться в Москве ткацкою работою», «для работы ткацкого мастерства» и т. д.[141]. Некоторые из отходников настолько прочно оторвались от сельского хозяйства, что покормежное письмо, обозначая их как оброчных крестьян того или иного села, добавляло: «московский житель»[142]. Сравнительно большую группу составляли дворовые, деловые люди, отпущенные из «московского дому»; у последних отмечается ткачество как профессия.

Этим обусловлена, видимо, и значительная роль в отходе промысловых сёл, издавна славившихся ткацким производством. На полотняную фабрику Тамеса наблюдался массовый приток крестьян Хатунской волости, Московской провинции (сёла Починок, Каменище, дер. Барыбино, Лапино, Кудиново, Толбино и др.), из вотчин князя Голицына — село Гребенево с деревнями Фрязино, Новая, Чижево, Трубино. Сюда же широкой массой тянулись отходники из Каширского уезда, будущей Тульской губернии, а также отходники из Владимирской и более далёкой Костромской губернии. На суконные фабрики Перемышлевой, И. Журавлёва, Шигонина шли отходники из того же Каширского уезда и из отдельных районов Московской губернии. На шёлковых мануфактурах к московским присоединялись отходники из Каширского уезда, из соседней Калужской губернии.

Ряд селений, выделявших особенно большое число работников на московские предприятия, были широко известны как центры полотняного или шелкоткацкого производства. Таковы упомянутые сёла Хатунской волости, Голицынская вотчина, село Гребенево с деревнями, Беседская вотчина графа А. Г. Орлова. Широкое развитие ткачества в Ивановской вотчине П. Ф. Балка, в Каширском уезде, даже побудило последнего организовать там полотняную фабрику, но эта попытка не увенчалась успехом; фабрика упоминается только в 1765 году[143]. В списках встречаем упоминания о единичных отходниках из Ивановского и Кохминского приселья Владимирской губернии.

Известная специализация крестьянства также говорит о связи отходничества с местным промыслом. Только из некоторых деревень Хатунской волости (например,

[138] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 112—113.
[139] См. ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 10.
[140] См. «Исторические записки», кн. 5 за 1939 г., стр. 177—179.
[141] См. ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, 1766 г., д. 1061, № 66; д. 1047, № 3 и д. 1774 г., д. 1143, №№ 11, 28, 31, 41, 44, 46; д. 1043; д. 1204; 1757 г., д. 1300, № 8 и др.
[142] Там же, 1766 г., д. 1111, № 4; д. 1077, № 53.
[143] См. ЦГИАЛ, ф. Комиссии о коммерции, д. 267, л. 27.

деревни Барыбино) встречаются отходники как в полотняной, так и в суконной промышленности. Как правило, даже в пределах одного уезда отход строго специализирован по отдельным селениям. Показательно, что отход по таким селениям имел массовый характер и обычно отходники систематически направлялись на одно и то же предприятие. Так, на фабрику Тамеса в 1766 г. из Хатунской волости пришло 52 человека, в том числе из деревни Барыбино 14. Характерна известная устойчивость связи отдельных селений с определённым предприятием: те же селения Хатунской волости или Каширского уезда повторяются в списках регистрировавшихся паспортов фабрики Тамеса или Перемышлевой за разные годы.

Интересны и данные о возрасте отходников, но, к сожалению, он не всегда указывался: в покормежных Московской провинции эти данные большею частью отсутствуют, но в покормежных Каширской провинции, частично по Дмитровскому уезду, возрастные данные регистрировались довольно систематически. Подавляющее число отходников составляли молодые работники в возрасте от 18 до 28 лет; к ним примыкала группа от 30 до 35 лет; работники более зрелого возраста указаны в использованных нами покормежных в незначительном числе. Таким образом, выделение отходников шло за счёт основной рабочей силы деревни.

Последний вопрос, возникающий в этой связи, касается степени отрыва от сельского хозяйства и прочности связи отходника с предприятием. Среди покормежных имеются разные сроки отхода; в ряде случаев указывается срок в несколько месяцев. Однако и здесь бросается в глаза малая согласованность самих сроков со временем проведения сельскохозяйственных работ. Крестьянин графа Ягужинского из села Павловского, Московской провинции, был отпущен с марта 1774 по январь 1775 г., то есть на всё время сельскохозяйственных работ. Точно так же князь Г. А. Щербатов отпускал крестьян из своей Костромской вотчины с апреля по ноябрь[144]. Из Московской вотчины княгини Н. П. Щербатовой было отпущено шестеро крестьян с октября 1766 по май 1767 г., хотя дата возвращения не была связана непосредственно с началом сельскохозяйственных работ.

Особенно был распространён годичный срок отпуска по покормежной, что уже прямо говорит о полном отсутствии связи отходника с полевыми работами. В ряде случаев годовой срок переходил в двух- и трёхгодичный, доходя иногда до пяти лет; более длительные сроки особенно характерны для экономических крестьян. Годовые паспорта или покормежные также выдавались в совершенно различные сроки, никак не связанные с сельскохозяйственными работами, и часто приурочивались непосредственно к календарному сроку 1 января, то есть имели совершенно формальное значение. В этих случаях имеется явный отрыв от сельского хозяйства. В отпускной княгини И. Я. Голицыной встречаем прямое указание, что явка по истечении срока требуется только «для платежа за себя подушных денег и помещичьих доходов и для взятия от Галицкой провинциальной канцелярии указного печатного пашпорта»[145].

Регистрация покормежного письма фабрикантом нередко сопровождалась одновременным оформлением и регистрацией соответствующего контракта между фабрикантом и нанимавшимся к нему отходником. Трудно сказать, носили ли такие контракты массовый характер и распространялись ли они на рядовых работных людей. В пользу последнего предположения говорит стандартный текст контракта и наличие довольно полного соответствия между зарегистрированными покормежными и контрактами на суконной мануфактуре вдовы Перемышлевой в 1757 году[146]. Однако число дошедших до нас контрактов слишком ограниченно (в частности, по фабрике Тамеса у нас таких контрактов за соответствующие годы не имеется), чтобы высказаться по этому вопросу с полной определённостью. Контракт заключался обычно на один год или на несколько лет.

Ограничивалось ли пребывание крестьянина на мануфактуре сроком покормежного письма? При значительной вероятности этого для покормежных, выданных на несколько месяцев, в отношении годовых сроков, связанных с профессиональным занятием промыслом, можно высказать известное сомнение, хотя и контракты в зна-

[144] См. ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, 1774 г., д. 1109, № 13, 15.
[145] Там же, 1775 г., д. 1474, № 2.
[146] См. там же, 1757 г., д. 1301 и 1516.

чительной части оформлялись на тот же годичный срок. Дело в том, что при сравнении списков регистрировавшихся покормежных за разные годы при наличии постоянного притока работных людей из тех же селений удалось установить лишь два случая повторной записи тех же лиц: в 1766 и 1774 годах [147].

Можно полагать, что раз оформленный отход при нормальных обстоятельствах не требовал нового оформления, поскольку права помещика в случае попытки отходника уклониться от внесения оброка полностью обеспечивались положением, вытекавшим из условий первоначального покормежного срока, дававших ему право на принудительное возвращение отпущенного крестьянина, превратившегося в беглого, и на взыскание в случае надобности всех убытков с державшего его фабриканта. Такой формальный, условный характер сроков покормежного письма с полной наглядностью выступил в двух случаях оформления контрактов. Приказчик суконной фабрики вдовы Перемышлевой, зарегистрировав покормежное письмо крестьянина Семёнова из деревни Троицкой Боровской вотчины графа А. Г. Головкина сроком на один год, тут же предъявил заключённый с ним же контракт сроком на два года [148]. Приказчик фабрики волочильного и плющильного золота и серебра И. Докучаева также предъявил покормежную на садовника Г. Федотова Беседской вотчины А. Г. Орлова на один год и подписал контракт с ним же на два года [149].

Образование рынка труда выдвигает и вопрос о порядке и характере оплаты труда. Этот вопрос также не получил ещё освещения в нашей литературе. Касавшиеся его больше подчёркивали кабальные моменты в положении рабочих и в характере тех контрактов, которые оформлялись между предпринимателями и рабочими отходниками [150]. Бесспорно, в условиях остававшегося в полной силе крепостного права эти явления должны были иметь место, и старые кабальные формы труда ещё опутывали складывавшиеся новые формы найма. Однако договорный характер был полностью отражён прежде всего в срочности договора и в установлении оплаты «из добровольной платы», как писали владельцы предприятий в своих ведомостях, подаваемых в Мануфактур-коллегию.

Анализ норм оплаты осложняется тем, что трудно учесть специфику обязанностей и уровень квалификации работного человека. Довольно распространено в договорах рядовых работных людей неопределённое указание об оплате «на общих основаниях», так же, как оплачиваются другие. В этой неопределённости есть элемент кабальности, но, с другой стороны, здесь же сказывается и возникновение своего рода рыночных норм оплаты труда. С этим связана и чётко обозначившаяся диференциация, градация оплаты труда. Для лиц, поступавших на чёрную работу, обычная оплата в 30—40-е годы XVIII в. составляла 3—5 руб. в год на хозяйском содержании, включая еду, платье и обувь. Специалисты-мастера — ткач, мастер по набивке платков и др. — получали по контрактам 60—70-х годов 15—20 руб. в год и сверх того 15—20 коп. кормовых в неделю. Отметим, что аналогичные контракты по фабрике И. Грачёва в селе Иванове для тех же 60-х годов указывают на оплату в размере 40 руб. в год [151].

Наличие высшей квалификации или наём на работу с особой материальной или денежной ответственностью приводили к значительному повышению оплаты — от 80 до 200—225 руб. в год. Наиболее высокие ставки значатся при найме на фабрику купцов с поручением им специальных коммерческих операций.

Наряду с этим мы встречаем указания об оплате в 200 руб. мастеру на хрустальной фабрике Бахметьева в селе Никольском, Пензенской губернии. Ведомость по селу Иванову за 90-е годы показывает общее повышение оплаты против 60-х годов: чанимающимся на чёрную работу — 15—20 руб.; мастеру-ткачу — 45 руб., при более высокой квалификации — 60—70 руб., резчикам манер — до 90 рублей [152].

---

[147] См. там же, 1766 г., д. 1120 и 1774, д. 1043, крестьяне С. Климов и А. Андреев.
[148] См. там же, 1757 г., д. 1516, № 5, л. 3; № 12, л. 6.
[149] См. там же, 1766 г., д. 1077, №№ 49, 54.
[150] См. И. Курицын. Указ. соч. «Исторические записки», кн. 5 за 1939 г. стр. 177—180.
[151] См. ЦГИАЛ. ф. 1088 по с. Иванову, 1803 г., д. 47, л. 334.
[152] См. ЦГАДА. ф. Шереметевых, Ивановское вотчинное правление, 1795 г., д. 53, лл. 1—40.

Установление известных «рыночных норм» оплаты труда отчётливо выступает при более простых операциях, как то: рубка дров и жжение угля на заводах или рубка и вывозка леса на корабельных работах, тем более что заключаются эти сделки формально равноправными сторонами — между самими крестьянами. Для довольно обширного района Казанского, Кунгурского, Соликамского и Чердынского уездов указываются более или менее однородные цифры оплаты, производимой приписными крестьянами вольнонаёмным работным людям за работы при заводах: «за поторжные работы», то есть при подённой оплате, пешему платилось в Кунгурском уезде 9 коп. зимой и 12 — летом, конному — 15 и 20 коп.; в Соликамском и Чердынском уездах пешему — 10—12 коп., конному — 12—17 копеек. Рубка дров оплачивалась в Казанском уезде 70—80 коп., в Кунгурском — 50—60 коп., в Соликамском — 58 коп., в Чердынском — 58—60 копеек. Наконец, за жжение угля платилось с 20-саженной кучи соответственно 15—18 руб. и 15 р. 40 к. — 16 р. 40 к. [153].

Таким же образом нанимающимся за приписных к адмиралтейству в корабельную работу платилось по Казанскому, Пензенскому и Свияжскому уездам в день: конному — 30—35 коп., по Казанскому и Свияжскому — до 50 коп., с оговоркой «с подводой»; пешему — 15—20 коп. и 10—20 копеек. Возможно, что колебание цен было связано с сезонностью работ. Многочисленные данные о размере оплаты на судовых работах содержат и сведения о судоходстве и судостроении, но их анализ требует ещё специального обследования.

★

Представленные нами данные в отдельных частях, конечно, носят ещё предварительный характер и требуют дальнейшего специального исследования для уточнения и пополнения отдельных наблюдений и количественных расчётов. Кроме того в статье не освещён вопрос о характере классовой борьбы крестьянства, имеющий определяющее значение в истории формирования рабочего класса. Представляется, однако, что уже на данном этапе приведённый материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Вопрос о рынке рабочей силы, играющий решающую роль в анализе проблемы развития капитализма, приобрёл большое значение в России во второй половине XVIII в., несмотря на сохранение феодально-крепостнического строя.

2. Обычные показатели численности вольнонаёмных рабочих в промышленности XVIII в., из которых до сих пор исходила историко-экономическая литература, требуют коренного, тщательного пересмотра в отношении сведений о самой крупной мануфактуре, а главное, за счёт данных о безуказных предприятиях, мелкотоварном производстве и разных форм капиталистической работы на дому, оставленных без всякого внимания исследователями.

3. К промышленным рабочим непосредственно примыкают рабочие транспорта, занятые прежде всего в судовом промысле, игравшем особенно крупную роль в XVIII веке.

4. Учёт всех этих категорий наёмных рабочих приводит к сравнительно внушительной цифре — более 200 тыс. вольнонаёмных рабочих для 60-х годов и свыше 400 тыс. — для конца XVIII века.

5. Этот рост сказывается как в росте спроса, так и в росте предложения свободной рабочей силы, характерном в основном для центральных районов России с их более высоким экономическим развитием. Он приводит к возникновению определённых явлений и форм капиталистического найма, хотя и опутанных ещё феодально-крепостническими отношениями.

6. В основе этого процесса лежит далеко зашедшее крестьянское расслоение, переходящее уже в более высокую стадию разложения крестьянства, развёрнутая характеристика которой дана В. И. Лениным и которая ныне всесторонне изучается советскими историками.

---

[153] См. Сб. РИО. Т. 115, стр. 253, 261, 263, 265, 290, 297—298.